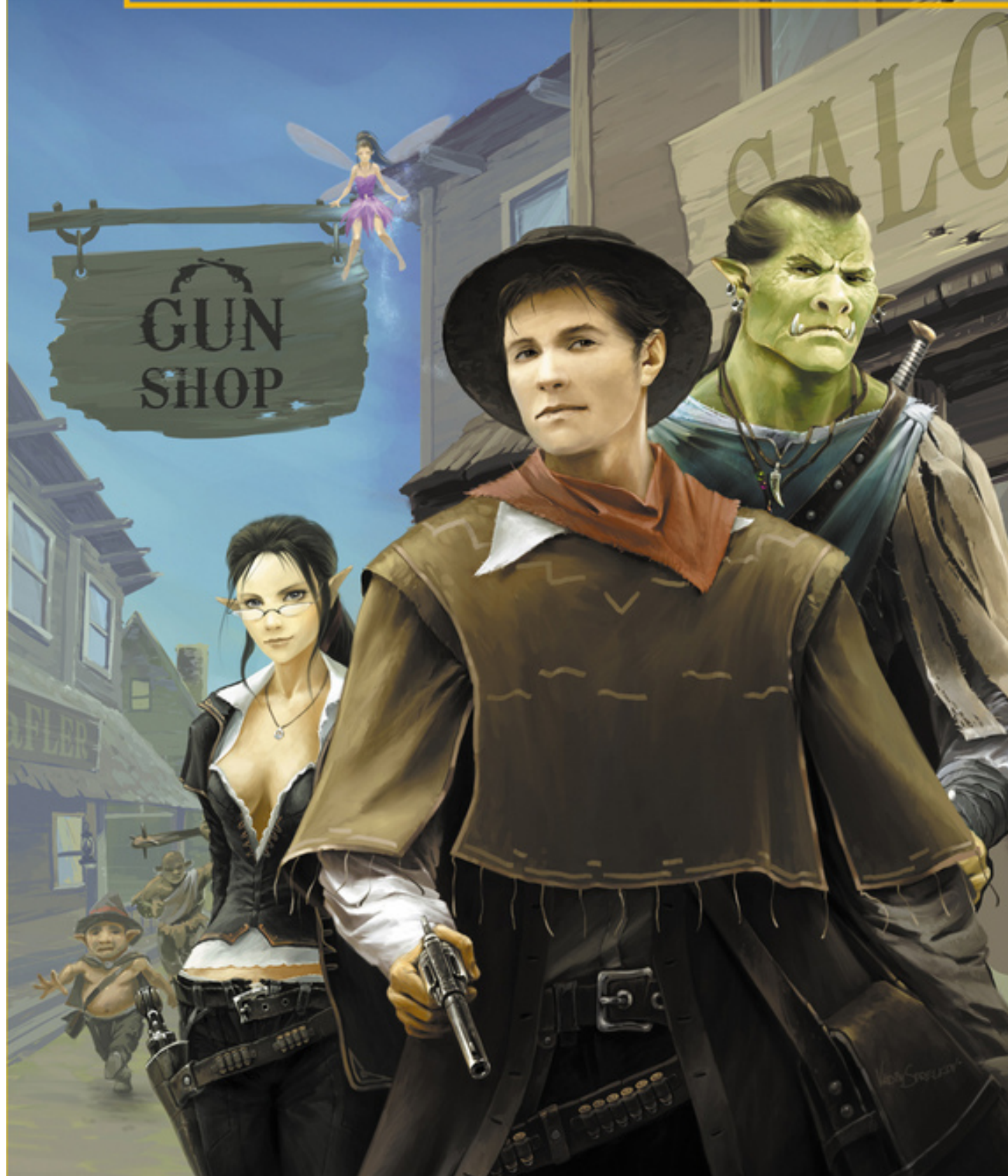

АНДРЕЙ УЛАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕНЬ РЕВОЛЬВЕРА

Однажды на Диком западе

Андрей Уланов

День револьвера

«Автор»

2009

Уланов А. А.

День револьвера / А. А. Уланов — «Автор», 2009 — (Однажды на Диком западе)

На диком-диком Западе, где по выжженным солнцем прериям бродят племена кровожадных орков, а в споре с бандитами, будь они хоть зеленокожие гоблины, хоть темные эльфы, главным аргументом всегда был и остается калибр твоей пушки, – именно там, в Пограничье, появляется Кейн Ханко, парнишка из тихого провинциального Кентукки. Зачем, спросите вы? Во-первых, поискать старшего брата, однажды покинувшего отчий дом и пропавшего где-то на просторах нового штата, а во-вторых, жаждая приключений на свою... хм... голову. Второго он с избытком получает с первых же шагов по кривой дорожке новой жизни.

© Уланов А. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Уланов

День револьвера

За помощь в работе над этой книгой автор с большим удовольствием благодарит: Всеволода Мартыненко, Дениса Зими́на, Илью Лобачева, Алексея Куприянова, Сергея Жаркова и Александра Москальца.

Глава 1

Овца откинула копыта вскоре после полудня, когда до города оставалось еще верных три мили.

Совсем уж неожиданностью это для меня не стало – последние четверть часа она заметно сбавила темп, а под конец и вовсе начала пошатываться. Наверное, тогда и стоило слезть. Но я решил, что лучше будет поскорее добраться до городка, ну или хотя бы до места, где сыщется тень и вода, – и прогадал, как выяснилось. Теперь же мне предстояло не просто прогуляться по выжженной добела прерии, но и утащить на себе почти тридцать фунтов барахла. Ах да, и еще плюс чертово седло!

Кое-как поднявшись, я выплюнул горсть песка, стряхнул втрое больше с куртки. Через силу глотнул из фляги противно-теплой воды – «патентованный» холодильный заговор протух два дня назад и от обещанной заклинателем свежести остался лишь горький привкус. Огляделся по сторонам – разумеется, ничего похожего на доброго волшебника или хотя бы почтовый дилижанс не обнаружилось. Равно как и армейского интенданта, живодера, некроманта, хотя обычно эта публика чует будущую пададь – и прибыль! – за полсотни миль. Даже стервятников не видать, что не может не радовать – для здешних обитателей эти птицы как рекламный щит дешевой обжираловки для мистера Янки!

Три мили. В голове мелькнула было малодушная мыслишка: зарыть седло где-нибудь под приметным кактусом. Но я отогнал её прочь – вместе с полудюжиной уже начавших слетаться мух. Глупо. Сто против одного, что выкопают еще до полуночи. Потерять же седло было бы еще обиднее, чем лошадь, – в конце концов, гнедая кляча стоила мне всего два доллара и полдайма, за седло же мексиканец предлагал все пятнадцать. Как-нибудь потом, когда отыграется...

Нет, седло я здесь не оставлю. Ни за что. Нет-нет-нет и еще раз нет. Я так решил, а я своему слову хозяин!

Этой решимости хватило ярдов на пятьсот. С каждым шагом под палящим солнцем она пропадала, словно пролитая на здешний песок вода. Еще через сотню шагов я понял, что вот-вот разделю участь Овцы.

А еще через несколько ярдов я остановился, чтобы в очередной раз поменять местами, в смысле, плечами, седло и дробовик – и первый раз в жизни увидел всамделишных диких гоблинов.

Их было четверо – зеленых, клыкастых и ярко размалеванных красным и синим на манер дешевой глиняной свистульки. Гоблины стояли на вершине холма и, то и дело прикладываясь к бутылкам, наблюдали, как их сегодняшний обед, пошатываясь от усталости, тащит к ним груды добычи. Плохо стояли – как я ни прикидывал, получалось, что картечным дуплетом смогу зацепить двоих, никак не больше.

– Эй, чего встал! – рявкнул самый здоровый гобл, стоявший чуть впереди остальных. – Давай-давай, иди-иди!

Голос у гоблина был исключительно мерзкий. А вид – еще гаже. Кроме бутылок – пива! гномского! проклятье, за бутылку холодного пива я бы сейчас душу в ломбард заложил! – мне особенно не понравились два револьвера, винтовка, сабля, пара томагавков, уйма метательных ножей, ну и динамитные шашки. Говоря проще, гобл вооружился до клыков. Впрочем, его приятели хоть и отставали от своего предводителя по части увешанности смертоубийственным металлом, но на звание «бродячий арсенал» тоже вполне тянули.

– Я п-постою.

Прозвучало не слишком внушительно. Говоря откровенно – жалко. Гоблины, видимо, пришли к такому же выводу и дружно заготовили.

– В полумиле за мной...

Получилось еще хуже, чем в прошлый раз – тихо и пискляво. Откашлявшись, я сплюнул и сделал еще одну попытку.

– В полумиле за мной лежитдохлая Овца. Если хотите пожрать – для вас будет самое то!

По крайней мере, удивить я их сумел.

– Овца? – удивленно повторил гоблин. – Маленькое, косматое, бе-е-е?

– Нет, большое подкованное иго-го.

У меня была слабая надежда, что хоть один из гоблинов заинтересуется этой животноводческой загадкой. Душещипательную же историю о бешеном гнедом двухлетке, на котором я продержался целых пять секунд, мамуле, строго-настрога запретившей мне после этого родео иметь дело с лошадьми, а также барышнике из Оркано... ну-у, минут на пять я бы точно сумел растянуть этот рассказ. Пять минут – срок немалый. При хорошем раскладе может появиться кавалерия из-за холмов, при так себе – удастся пожить лишние пять минут.

– А-а, лошадь! – догадался гоблин. – Лошатину мы любим, да. И...

Не договорив, он задумался – по крайней мере, я предположил, что у зеленошкурого подобную зверскую гримасу может вызвать либо мыслительный процесс, либо желудочные колики.

– Мы твоя убивать не будем! – объявил гобл.

– Че-е-его?!

– Мы твоя просто закопим! Для сохранности, е-е-йю!

Судя по радостному оскалу, гоблин был ужасно горд рожденной им шуткой, и потому оглянулся на сотоварищей, явно рассчитывая на их горячее одобрение. Наверное, он бы его и получил секунды через полторы-две – именно столько, по моей прикидке, должно было уйти на переваривание сказанного в средней гоблинской башке.

Ну а мне этого времени хватило аккурат на то, чтобы направить в сторону гоблов дробовик, ударом ладони взвести курки – и пальнуть!

Отдача пребольно лягнула в плечо, стволы задрались в зенит. Затем кто-то большой и могучий с размаху врезал мне правым снизу в челюсть – так, что я кубарем полетел в кустарник за спиной.

Который, как и следовало ждать, был чертовски колюч. Растительный вампир, не иначе. Наверняка с восходом луны он расправляет листья, выкапывается из песка и принимается порхать над равниной в поисках жертвы.

Но пока еще в небе полыхало солнце. Только благодаря ему я сумел вырваться из цепких веток ценой всего лишь половины рукава. Дешево, можно сказать, отделался. Про гоблов же это не рискнул бы сказать даже самый закоренелый оптимист.

От первого гоблина сохранились только сапоги. Это было бы весьма кстати – верх моего левого ботинка уже давно дружил с подошвой лишь при помощи бечевки, а это кое-как терпимо верхом, но не при долгих пеших прогулках. На правом же дратва еще держалась, зато в самой подошве протерлась здоровенная дыра. В общем, не обувь, а трагедия в двух актах, и тут как раз – сапоги! Хорошие, добротные, с толстой подошвой и по виду как раз моего размера,

но, к сожалению, с ногами прежнего хозяина внутри. При одной лишь мысли о выковыривании пары фунтов горелой гоблятины меня замутило так, что идею о смене обуви пришлось оставить.

Номер второй мог претендовать на звание самого заковыристо убитого при помощи винтовки – из черепа над левым ухом у него торчал затвор. Удобно, наверное – и мозги перезарядить можно и амулет какой подвесить. В остальном же номер два сохранился куда лучше первого, и это было весьма кстати – вытянув из его кобуры револьвер, я взвел курок – тугой, словно на тролля делали – и выстрелил в третьего гоблина, который как раз в этот момент, хрипя и отплевываясь, пытался подняться.

Револьвер дернулся, словно ненароком севшая на колени к драгуну монашка, – и пуля с диким визгом выбила полфунта песка в пяти шагах от зеленошкурого. Тот плюхнулся обратно на задницу и метнул в меня томагавк – с еще меньшим успехом, потому что топорик не пролетел и половины расстояния между нами.

Со второй попытки я сумел попасть – не в гоблина, увы, а в кактус позади него. Гобл оскалился, прорычал что-то невнятно-матерное, ловко выхватил револьвер... и упустил его. Пока он уже осторожнее вытаскивал второй, я кое-как сумел взвести проклятый неподатливый курок и выстрелил в третий раз. Вышло намного лучше – по крайней мере, песок, выбитый этой пулей, в гоблина попал.

Два ответных выстрела прогремели почти слитно – и поразили бы меня, окажись я беременной великаншей. Ободренный меткостью противника, я покрепче схватился за револьвер, нажал изо всех оставшихся сил. Что-то – сперва я решил, что мое запястье – хрустнуло, и курок взвелся почти без нажима. Воистину чудо из чудес – только размышлять над ним было некогда. Тщательно прицелившись в жуткую, перемазанную краской и кровью рожу, я плавно выбрал спуск.

Гобл завизжал. Пуля угодила ему в ногу чуть ниже колена.

– Я убью тебя, и ты будешь жрать свои потроха! Выдавлю глаза и отрежу твой... – мой револьвер выплюнул очередной сноп огня, и гоблин умер.

Сев, я принялся осматриваться, уделив особое внимание ближайшему ко мне телу. И не зря. В нагрудной сумке – и вправду сегодня удачный день! – остались бутылки, целые! Повезло. Конечно, добрые гномы из Висконсина разливают свой волшебный лагер в стекло покрепче иных черепов, но эдакий бабах пережить без потерь не каждому троллю дано.

Еще полминуты я пытался сломать зубы о пробку – пока, наконец, не догадался воспользоваться для этого более подходящим предметом, то есть шомполом от револьвера.

Первый глоток вознес меня в райские кущи. Второй – спустил обратно на грешную твердь, но куда более примиренным с окружающей действительностью. И впрямь: в левой руке напиток богов, в правой руке – отменный ствол, а под ногой, – вернее, под задницей, – свежий труп врага. Вот жизнь потихоньку и налаживается, как верно заметил старик Ной, приткнувшись на своем ковчеге к Арарату.

Еще через пару глотков мне ужасно захотелось поделиться с кем-нибудь добротой, просветленностью, мудростью, любовью к ближнему и дальнему – в общем, всем, кроме, разумеется, трофейного гномского светлого. Правда, достойных собеседников поблизости не наблюдалось, разве что...

– Уверен, и-ик, мы с тобой подружимся, – доверительно сообщил я револьверу.

Он и впрямь начинал мне нравиться. Во-первых, размерами – пушка, что бы там ни говорили, должна быть большой. И мощной. Ну а научиться попадать, это уж проблемы стрелка. Я вот учусь быстро.

Во-вторых же, Большая-Черная-Пушка-С-Длинным-Стволом – это как раз та штука, о которой простой деревенский паренек вроде меня мечтает все время между прополкой огорода

и вечерней дойкой. Ну, почти все – сразу после мечтаний о Девчонке-Что-Мелькнула-В-Окне-Вагона, но перед Новыми Башмаками.

Правда, с чернотой обстояло не очень – светлый металл сиял, будто новенький дайм, а костяные накладки рукояти белизной ничуть не уступали снегу. Или улыбке негра – чтобы было понятно тем, у кого в штате со снегопадами нелады.

Также на револьвере имелась гравировка: «Максим 500» на рамке, оскаленная кошачья голова на стволе и бегущий по степи мумак – на барабане. Малый, что делал её, – наверняка гном – потрудился на славу. Я так увлекся разглядыванием рисунков, что едва не прохромал мимо последнего гоблина, который валялся с видом абсолютно бездыханного трупа. Таблички разве что не хватало: давно тут лежу, пахну... разило, к слову, джином, словно гоблина засунули в бочку вместе с можжевельником года на три.

– Может, скажешь чего напоследок?

– Выкуп!

– Что? – от удивления у меня даже рука с револьвером опустилась.

– Выкуп, – гoblin сел и принялся ощупывать голову. – Тридцать бутылок виски.

Говорить по-человечески у него получалось заметно лучше, чем у предыдущего, гм, «оратора».

– И где ж они?

– Не здесь, – нащупав самую большую шишку, гoblin скривился. – У нас был кредит в салуне Мака Хавчика. Я теперь вроде как наследник. Все тридцать бутылок – мои. А будут твои, если шкуру мне дырявить не станешь.

– Врешь ты все, – на всякий случай сказал я, одновременно пытаюсь в уме перевести тридцать бутылок виски во что-нибудь более привычное. Стоимость спиртного, как я уже хорошо усвоил, росла с каждым шагом в глубь Пограничья. Если прикинуть тенденцию, трех десятков бутылок должно было хватить на хороший ужин и койку с постелью, причем на неделю.

– Ну, тогда стреляй.

– Заманчивое предложение.

Будь при мне Овца, я бы не колебался и секунды. Хороший гoblin – мертвый гoblin, эта простая истина известна далеко за пределами Пограничья. Однако даже беглый осмотр поля боя давал понять, что куча трофеев потянет фунтов на семьдесят, если не больше. Что в сочетании с моим собственным добром... нет, конечно, можно попытаться утащить все и в одиночку, но если уж нашелся кто-то, на кого выйдет навьючить большую часть груза...

Борьба осторожности с жадностью затянулась секунд на пять и закончилась убедительной победой благоразумия. В том смысле, что бросать верных полсотни звонких долларов совершенно неблагоразумно, а самому тащить эту грудку – с риском оказаться к заходу солнца за пределами городской ограды – еще более глупо. Для ночных пикников Пограничье малопригодно, если не желаешь выступить в роли жратвы.

Кроме того, гобла можно было бы заставить вытряхнуть остатки его дружка из сапог – и эта мысль мне понравилась особо.

– Ну хорошо, – решил я, – живи пока. Но учти, попробуешь дернуться...

– Вот чего не собираюсь. – Гобл снова потрогал затылок и совершенно по-человечески ойкнул. – У меня, ыгыр-мгыр, не болит разве что хвост.

– А у гоблов есть хвосты?

– Не-е. – Гoblin принялся стаскивать патронташ. – Вот потому и не болит. Ох-х... ну, Кривоклык, ну... – Дальше последовала длинная фраза, где из человеческих слов присутствовали только «незаконнорожденный сын» и «дерьмо», – чтоб тебя на Небесных Равнинах склеили неправильно!

– Кривоклык, это тот здоровый, что взорвался? – уточнил я. – Интересно, с чего ж он так бабахнул?

– Должно быть, ты влупил прямо в динамитную шашку.

– А разве динамит от пули взрывается?

Гоблин совершенно по-человечьи пожал плечами.

– Я не гном, как видишь, – сообщил он. – Че думаю, то и говорю. Ты пальнул, Кривоклык взорвался. Либо динамит, либо... ы-ы-х, со смеху лопнул. Я голосую за динамит.

– Ну-ну.

Доводы зеленошкурого казались вполне разумными, что делало их вдвойне подозрительными. В конце концов, кто из нас гоблин?!

Впрочем... на первый взгляд, конечно, все гоблы на одно рыло, в смысле, одинаково уродливы. Но сейчас, вдоволь наглядевшись, я решил, что морда у моего нового «приятеля» малость посимпатичнее, чем у его покойных друзей. Да и шкура посветлей и не столь бородавчатая.

– Эй, а ты, случаем, не полукровка?

– Нет.

Я не поверил.

– Квартерон.

– Понятно, – кивнул я. – Ну а имя у тебя есть?

Задав этот вопрос, я немедленно пожалел об этом. Если собираешься кого-то пристрелить в самом ближайшем будущем, не стоит узнавать его имя. Даже когда это всего лишь гобл.

– Есть, – неохотно произнес гоблин. – Только ты его все равно не запомнишь, а если запомнишь, то произнести правильно не сможешь. Называй меня просто – Толстяк!

* * *

До города оставалось полмили, а сил у меня не оставалось вовсе – пока я не увидел первый скелет.

Это была женщина. Наверное. По крайней мере костяк был наряжен в когда-то голубое ситцевое платье, а череп обрамляли длинные светлые волосы. Скелет обнимался с кактусом, точнее, не обнимался, а... в общем, выглядело это весьма непристойно. Второй костяк, в лихо скособоленном котелке, висел на соседней акации, а еще несколько скелетов поменьше смутно белели сквозь кустарник.

То еще зрелище – я с трудом удержался от вопля, взамен припомнив пару любимых оборотов дядюшки Айвена и адресовав их быстро темнеющему небу.

– Это, – то ли гобл понял ругательства буквально, то ли ему просто поболтать захотелось, – те, кто не успел к закрытию ворот. Их здесь много.

– Вижу.

Даже я мог уверенно сказать, что когда-то костяки были переселенцами. Очередные идиоты, поверившие в сладкоголосый бред правительственных агентов о совершенно свободных землях к западу от Миссисипи. Большинство из них – у кого имеется хоть пара унций мозгов – поворачивает еще до Пограничья, но всегда находятся и те, кто сочтет добрый совет за злую шутку. Господи, упокой их души, раз уж никто не озаботился упокоить их бранные останки.

– Сволочи, – пробормотал я. – Могли б уж и похоронить.

– А они пытались, – тут же откликнулся гоблин. – Ну эти, из города. И на следующее утро все скелеты на прежних местах стояли. Это кости, ы-ы-гы, даже в освященной земле так просто не улежат. А священник здешний – хиляк, – гобл добавил еще несколько весьма образных эпитетов, – не может перед своим борделем... ы-ы-ы, я хотел сказать, даже церковную ограду еле-еле поддерживает.

– Ну, а некромантов здесь нет, что ли?

– Есть, как не быть, – фыркнул Толстяк. – Ажно трое. Только ни один из них без предоплаты даже муху дохлую не поднимет. Были б это приличные покойники... а этих и не заклать нормально.

Про то, что в Пограничье на использование неупокоенных работников смотрят сквозь пальцы, я уже знал не только по слухам. В штатах бы уличенному в подобном деянии колдуну светил крупный штраф, а то и лишение лицензии на практику. Но этой территории до нормального штата, как от Бостона до Лондона на каное, а пока закон здесь – прерия, а прокурор – койот, как сказал мне один из завсегдатаев бара в Малкольм-Сити.

Только не сыщешь дураков брать *такого* работника. Послушного, не требующего еды, питья, одежды и сна, но при этом еще и способного в любой момент разорвать заклатье повиновения, как подгнившую веревку, – и снести с плеч хозяина то, чем по скудоумию и жадности не воспользовались в момент покупки. В округе наверняка хватает и более смиренных покойников.

Обернувшись, я краем глаза заметил какое-то шевеление в зарослях. Скорее всего, ветер. Которого почему-то совершенно не чувствуется на дороге.

– Шагай живее.

– Что, бледношкурый, проняло? – Гобл и не подумал выполнить приказ, а наоборот, замедлил шаг. – Не трясись, эти кости не опасны, пока не взойдет полная луна.

– Я не трясусь! – соврал я. – Сапоги жмут.

– А хочешь бояться, – словно не услышав, продолжил Толстяк, – бойся того, кто их оставил.

– Это кого же?!

– Ы-ы-х! – гоблин довольно икнул. – Этот вопрос местные себе уж который вечер задают. Добро пожаловать в Погребальнец!

Последняя фраза не являла собой плод гоблинской фантазии – она была криво намалевана красным поперек деревянного щита справа от дороги, и в лучах заходящего солнца казалась особенно зловещей.

Впрочем, на карте здешнего участка Пограничья, которую я битых два часа изучал на вокзале в Гимли-Крепостоуне, значились два Ада, три Рая, целых четыре штуки Новых Небес и одно Чистилище. Ну, а всякие Эдемские сады и Могильные Камни на той карте были представлены, что называется, в широком ассортименте. Юморок с душком. Я потихоньку начинал к нему привыкать – что, конечно, вовсе не значило, будто местные шутки стали мне нравиться.

– Мрачное местечко, должно быть?

– Дыра как дыра, – гоблин сплюнул. – Видал я места получше, видывал и паршивей. Вторых было маловато.

Я с трудом удержался от дежурного: «врешь ты все!». Этот гобл явно был не прост – слишком уж он членораздельно, правильно и, бизон его залягай, умно изъяснялся по-человечески.

К тому же мы почти дошли до ворот.

– Ста-а-ять!

Тягучего южного акцента в этой фразе хватило бы на троих.

Я остановился. А гоблин подошел вплотную к воротам, развернулся и от души пнул калитку. Единственным видимым результатом стало брызнувшее из косяка небольшое облачко то ли пыли, то ли трухи. Выждав пару секунд, зеленошкурый повторил процедуру, и на этот раз я услышал весьма подозрительный треск.

– Выломаешь калитку – повешу в проеме твою шкуру, – пообещали с той стороны.

Угроза была, на мой взгляд, вполне уместной. В отличие от стены, вполне типичной для здешних мест, – глина, много солнца и толика армейской саперной магии, сочетание, с трудом

прошибаемое даже ядрами, – ворота представляли собой дощатую конструкцию весьма хлипкого вида.

Гобл заржал.

– Джок, да ты прежде сумеи приподнять свой зад хоть на дюйм!

– А?!

Над стеной начало медленно воздвигаться что-то пыльное и коричневое. Судя по кряхтению, сипению и прочим нечленораздельным звукам, сопровождавшим этот процесс, из-за стены показалась верхушка Вавилонской башни. Ну или хотя бы прапрапрадед всех сомбреро по эту сторону Рио-Гранде.

– Толстяк?! Ну и дела! Ты чего, соскучился по гнилой соломе?!

Вслед за полями шляпы из-за стены высунулось нечто среднее между заходящим солнцем и боровом – большое, круглое, красное, с маленькими глазками, почти затерявшимися среди жировых складок, и щетиной, которой мог бы позавидовать дикобраз.

– Эй, а где остальная ваша банда?! Кривоклык, Дерг-Подерг... и какого этот молодчик тычет в тебя стволом?!

– У нашей банды вышла небольшая размолвка с этим парнем, – сообщил гобл. – Ну и вот. На переваривание услышанного у Джокка ушло примерно полминуты.

– Не, не верю! – объявил он, одновременно взгромождая на парапет перед собой древнюю, но при этом очень крупнокалиберно выглядящую двустволку.

– Сдается мне, Кривоклык очередную пакость задумал. И посему лучше хлопнуть вас прямым тут.

– Эй, мистер, – начал я. – Не стоит эдакие шутки...

– Не выйдет! – одновременно со мной быстро произнес гоблин.

– А?!

– У твоей дуры курки еще в прошлом году к стволам приржавели, – насмешливо сказал гобл. – Пока ты их оттирать будешь, парень тебя пять раз достанет. У него, чтоб ты знал, «Громовой Кот».

– Тот, что у Дерга был?

– Он самый.

– Тады и впрямь достанет, – задумчиво произнес Джок.

– Само собой, – продолжил гоблин, – после этого старый Хо или кто там сейчас на башне превратит нас в решето для этих... ну, ы-ы-ть, мучных червяков, что итальяшки делают. Но целостности твоему пузу это нисколько не прибавит.

Оглянувшись на башню, я не заметил ни малейших признаков присутствия там старого Хо или других «кто там сейчас». Но видневшаяся там связка ружей была достаточно убедительна и сама по себе.

– Ну и че делать бум?

– Послушайте, мистер, – примирительно начал я. – А почему бы вам просто не пустить меня.

– Нас.

– Меня! – с нажимом повторил я.

– Пустить тебя? – Солнце-кабаный лик сморщился и скрылся за парапетом.

– Сейчас чихнет, – быстро шепнул гоблин.

Предупреждение оказалось как нельзя кстати. Хотя и с ним я подпрыгнул, наполовину поверив, что Джок все-таки пальнул в нас картечным дуплетом. Беглый осмотр показал, что дырок во мне все-таки не прибавилось. И, что не менее важно, со штанами тоже все было в порядке.

– Спасибо.

– Ну, – великанье сомбреро вновь воздвиглось над бревнами, – давай порассуждаем вместе. Ты не здешний. Я знать не знаю твою рожу, и, скорее всего, любой житель нашего города скажет про тебя то же самое. Ты пришел перед самым заходом солнца.

– Это все потому, что у меня пала Овца! – не выдержал я.

– Овца?!

– Так звали мою лошадь.

– Знавал я парней, что давали своим лошадям всякие имена, – озадаченно пробормотал Джок. – Мери да Сюзанна... чтоб, значит, непотребства всякие сподручнее. Генерал Шерман или там просто Янки – это больше наши любили, нравилось им лишний раз прищипорить скотинку. Но вот Овца...

– Это длинная история, – сказал я. – Если захотите, могу рассказать. Когда окажусь по вашу сторону стены.

– Вот об этом как раз мы и рассуждаем, не забыл? – хрюкнул Джок. – И знаешь, парень, явись ты на лошади по кличке Овца, я бы и то трижды подумал, пускать ли тебя в наш город. Но ты отколол номер похлеще – притопал в компании зеленошкурого, по которому давно уже пеньковая тетушка тоскует. А сколько его приятелей сейчас крадется вдоль стены?

– Джок, а ты перегнись – сразу узнаешь! – насмешливо посоветовал гobl.

– И получить томагавк в лоб?!

– У тебя там такой слой сала, что и копье застрянет.

– Да я...

– Мистер Джок! – я повысил голос. – Послушайте *меня*! Я взял этого гoblina в качестве носильщика, потому что моя лошадь пала и *он здесь один*!

– Это ты так говоришь, парень. Но с чего я должен тебе верить?

– Потому что, будь здесь другие гoblины, ваш приятель наверху, – я махнул револьвером в сторону башни, – давно бы поднял весь город. С его-то позиции подножье стены как на ладони, верно?

– Ну дак, для того и строилось, – пробурчал Джок. – Берри Саймак, это вам не какой-нибудь землекоп безграмотный, он у самого Джексона Каменной Стены капитанил. Всю эту чертову фор-ти-фи-ка-цию знает лучше, чем Священное Писание.

– То есть вы согласны, что здесь нет других гoblнов?

– Может, и нет, – неохотно признал страж калитки. – А может, старину Хо давно уже магией какой зловредной извели, а то и стрелами наспиговали. Я его уже, считай, час как не вижу!

– Эта магия прозывается «пинта кукурузного виски», – насмешливо сказал гobl. – Или две. Старина Хо, как всегда, под вечер залился бурбоном и храпит, аж досюда слышать.

– Не врешь? – в голосе Джоба послышались нотки восторга. – Ну, если так... ох и влепит же старине Хо шериф. Он, когда позавчера застукал на башне рыжего Майкла в обнимку с бутылкой, орал и метал громы с молниями не хуже пророка Илии.

Глянув назад, я увидел, что солнечный диск уже наполовину скрылся за холмами – зрелище, отнюдь не способствующее оптимизму, но зато неплохое подстегивающее соображаловку.

Что Джок не верит в свои «рассуждения», было бы ясно и окаменевшему троллю. Заподозри он меня хоть на миг *всерьез*, уже бы вовсю палил из своей громыхалки, колотил в гонг, колокол или чего у них там висит. И орал так, что его было бы слышно даже на Восточном Побережье.

Все намного проще. Имеются ворота, одна штука, имеется с виду разумное существо при них. А из такого сочетания практически всегда возникает желание получать с входящих и выходящих что-то посущественней, чем «Спасибо, мистер Джок», «Удачи, мистер Джок», и «А ну с дороги, увалень!». И впрямь глупо упускать такую возможность – особенно в тех

случаях, когда каждый дюйм исчезающего за горой багрового диска делает собеседника все более склонным к уступкам.

К сожалению, вид моего пустого кошелька вряд ли обрадовал бы мистера Джока. И уж тем более я не собирался просить его «разменять» десять долларов – последнюю зеленую бумажку из-за подкладки шляпы. Вот найдись что-нибудь у гоблов... однако повстречавшие меня зеленошкурые – по крайней мере те из них, что сохранились в относительно целом виде – кошельков при себе не имели. На законный же вопрос: «А где деньги?!», Толстяк ехидно сообщил, что гоблины вообще-то не имеют привычки уносить даже цент из мест, где упомянутую монету можно пропить или хотя бы обменять на спиртное.

Не то чтобы я ему поверил... хотя это и соответствовало моим представлениям о гоблинах... но... Придумал!

– Мистер Джок! Не желаете ли гномского светлого?!

– А?! – Разом позабыв про толпы крадущихся вдоль стен зеленошкурых, стражник перегнулся через парапет... вернее, навалился на него.

– У тебя есть лагерь?

Приветливо улыбаясь, я помахал бутылкой.

– Для хороших друзей.

– А-а-а...

– Он вроде как намекает, – пояснил Джоку гoblin, – что человек, пустивший нас в город, враз станет этим самым «хорошим другом».

– Ну, я прям не знаю, – стражник поерзал пузом по бревну. – Вот если бы у меня в руке, – Джок вытянул указанную конечность, зарослям шерсти на которой могла бы позавидовать горилла из бродячего цирка, – вдруг оказалось пиво, я б, конечно, пустил пару своих лучших друзей...

– Так не пойдет! – решительно сказал я. – Забор у вас тут высокий, бутылка может упасть, разбиться. Нет уж, давайте, я вам её лично вручу. По ту сторону ворот.

Впоследствии я часто ловил себя на мысли – узнай Джок, чем в итоге обернется его мелкий проступок, он бы не открыл ворота и за целое море пива.

Впрочем, случись мне в тот момент хоть одним глазком заглянуть в собственное ближайшее будущее – я бы эти ворота за сотню миль стороной обошел!

* * *

Прямо перед крыльцом салуна раскинулась здоровая, ярда четыре в поперечнике, лужа – само по себе изрядное чудо по нынешней жаре. Но замереть соляным столбом заставил меня вовсе не вид грязной воды, а существо, валявшееся в ней. Даже со спины было совершенно ясно, что на краю лужи храпит, то и дело пуская пузыри, самый настоящий светлый эльф.

Этого быть не могло, потому что не могло быть никогда. Но – было! В полном замешательстве я подошел поближе и осторожно коснулся тела носком сапога.

– Хочешь пнуть? – Мой жест не остался незамеченным. – Тоже дело. – Гobl одобрительно фыркнул. – Когда еще выпадет шанс хорошенько наподдать наполовину Перворожденному! Шон А'Фейри хоть и надирается регулярно, но так, чтобы до полной отключки – не чаще трех-четырёх раз в год.

– Надирается? – тупо повторил я. – Светлый полуэльф – надирается?

– Эй, парень, – уже обойдя эльфа, Толстяк обернулся и озабоченно уставился на меня, – проснись! Здесь тебе не какая-то Атланта или там Вексберг. Это, чтоб на меня Сидящий плюнул, Погребальнец! Ты стоишь перед салуном Хавчика, где наливают, а на той стороне улицы через два дома есть заведение вдовы Мунро, где дают – и это, парень, единственные развлечения в городе!

Наверное, мне сейчас полагалось жалобно проблеять «но как же... ведь это светлый эльф... возвышенное существо». Но глядя на тело в луже, я прокашлялся, сплюнул и тихо попросил:

– Не называй меня «эй-парень».

– Ну а как мне тебя звать, девкой, что ли? – хохотнул гоблин. – Имени-то своего ты мне так и не назвал.

Я задумался.

– Хорошо.

– Хорошо? Это чего, имечко у тебя такое?

– Нет. Хорошо – это значит, можешь и дальше называть меня «эй, парень».

– Лады. Эй-парень, а ты так и собираешься войти внутрь с револьвером в руке?

– Чего я точно не собираюсь, так это позволить одному гоблу смыться... с кучей *моего* добра.

– Ну, дело твое. – Толстяк перевалил тюк с трофеями с правого плеча на левое, хрюкнул и пнул бедолагу Лакри чуть пониже спины... между ног.

– Хоронить-то тебя по какому обряду?

– Протестантскому. А что?

– Шаман из меня неважный. – Гобл, изогнувшись, озабоченно изучал носок сапога, видимо решая, достаточно ли он грязен для повторного пинка. – Но предсказать кой-чего сумею. А именно: в любого, кто появится на пороге этого салуна с оружием наголо, завсегдатаи *сначала* всадят фунта два свинца. Ну, а уж *после* начнут выяснять, умышлял покойник против кого-то из них или нет.

Воображение у меня хорошее и ему не составило труда в красках и деталях нарисовать картину: издырявленный труп, который – может даже и по частям – забрасывают в телегу гробовщика и... бр-р-р!

– Верю, – кое-как выдохнул я, с трудом удержавшись от истового «верую!». – Но... какого же орка ты меня предупредил?!

– Глупость, да?! – усмехнулся гоблин. – Скажем так... есть у меня одна мыслишка.

– Мыслишка?!

– Я тебе как-нибудь потом расскажу, – «пообещал» Толстяк.

– Лучше скажи сейчас, – «попросил» я, качнув для вящей убедительности неубраным пока револьвером.

Впечатления этот аргумент, как и следовало ждать, не произвел.

– Лучше скажи, – куда более угрожающе прорычал гоблин, – мы собираемся заходить в салун или будем торчать перед ним до рассвета?!

Я вздохнул и принялся засовывать «максим» в кобуру.

– Да. Собираемся.

– Тогда открой дверь, – вполне миролюбиво произнес Толстяк. – У меня лапы заняты.

Салун мистера Хавчика не имел какого-то персонального названия – владелец единственного подобного заведения в городке явно счел придумывание такового излишеством. А к ним Хавчик был не склонен – я понял это, едва переступив порог его заведения.

– Закройте чертову дверь!

Судя по громкости, а также высоте источника рева, это был тролль. Точнее сказать я не мог – в салуне было темно! Не считая пары дюймов досок рядом с моими сапогами, единственным светлым пятном была свеча на стойке рядом с кассой.

Поправка. В правом углу высветилась пара огоньков... красных. И еще пара – слева у стены. И еще...

В следующий миг в мою спину вонзились сразу четыре клинка, и я упал.

– Ай! Смотри куда прешь, дубина!

– Прошу прощения, э-э...

В темноте определить хотя бы расу барахтавшегося подо мной существа было весьма сложной задачей. Впрочем, истерически-визгливые нотки говорили, что моей жертвой, скорее всего, стала некая «мэм». Или засидевшаяся в девицах «мисс», что, в общем, по неприятности в общении не сильно различается.

– Малявка, это я его толкнул. Извини... ничего не видно из-за проклятого тюка.

– Толстяк?!

Некто по имени Малявка пнуло меня в живот – на удивление болезненно для существа столь маленьких размеров – взлетело вверх... и засветилось, слабым розовато-золотистым сиянием.

– Глазам своим не верю!

Я тоже не верил, однако счел за лучшее промолчать. Конечно, ирландская ночная фея – это не столь уж экзотичное существо, но фея с синяком под глазом и в платице с ну очень кровавым декольте...

– Толстяк! Ну и ну! Я думала, лапы вашей банды не будет в городке месяц, а то и два!

– Правильно думала.

Исходившее от феи сияние достигло гоблина, вернее, тюка в его лапах, и я смог разглядеть, что за острые предметы потыкались в мою спину. И впрямь клинки... хоть и в ножнах...

– Да? И кого же я вижу, эльфа? И что это за половая тряпка?

– После, Малявка, после. – Гоблин принялся протискиваться между столов. – Сначала нам нужно сдаться Маку.

– Все вы так говорите, – разочарованно прошептала фея – и погасла.

Удивительно, но и в наступившей темноте я сумел подняться с пола и догнать Толстяка на полпути к стойке, не наступив при этом ни на чью ногу, лапу или другую конечность.

– Сдаться?

– Мак не любит, когда у посетителей слишком уж большой арсенал, – не оборачиваясь, отозвался гобл. – Надпись над стойкой видишь?

– Нет!

– А теперь?

Я так и не понял, что сделал Толстяк. Вроде бы просто щелкнул пальцами у меня перед носом. Но внутри салуна начало светлеть... правда, свет этот имел какой-то странный фиолетовый оттенок.

– Теперь вижу.

Не заметить её было сложно – надпись «Один ствол, один клинок, одна жизнь» протянулась над верхним рядом бутылок практически на всю стену.

– Хорошо. Кста, – шепнул гобл, – нам повезло. Мак в хорошем настроении.

Уже привычно я удержал крик «врешь ты все!».

Потому что кроме бутылок и надписи сумел разглядеть и бармена.

Это был гном – крупный, с пушистой бородой. Окажись рядом папаша, он, думаю, запросто смог бы сказать: принадлежит род этого коротышки к числу норвежских лесных, или перед нами выходец из-под Уральских гор. Меня же в данный момент больше занимал тот факт, что на гноме была красная косынка и красный же фартук поверх кольчуги... и что бармена, настолько похожего на мясника, мне пока не доводилось встречать.

Справа от гнома на стойке высилась полупустая Кружка, нет, КРУЖКА, зачем-то прикованная цепью за ручку – хотя сдвинуть эту посудину в наполненном состоянии взялся бы разве что пьяный тролль. Слева покоилась дубинка. По сравнению с кружкой она выглядела хлипковато... впрочем, первый же взгляд, брошенный за спину бармена, сразу поднимал деревяшку в цене – там, прислоненные к вмурованным в стену бочкам с надписями «ром» и «скотч», дремали секира и кремневый пистоль. Калибром оба этих предмета не сильно усту-

пали кружке, а обрамлением для них служила богатая коллекция расколотых черепов. Человеческие, насколько я успел разглядеть, были в меньшинстве. С одной стороны, это слегка обнадеживало, с другой же... рука у меня сама по себе потянулась к затылку... кто знает, каких именно экземпляров недостает этому френологу?¹

– Дарова, Мак!

– Не твоими молитвами, – голос у гнома оказался слегка шепелявый, – Толстяк. И я не ждал тебя.

На всякий случай я притормозил около ближайшего стола, к счастью – пустого. Если беседа, на манер хогбенского ручья, пойдет в неправильное русло, прикрытие из дюймовых досок окажется как нельзя кстати.

– Ты ж знаешь, Мак, люблю я устраивать сюрпризы хорошим приятелям.

– Тебя давно пора вздернуть.

– В твоих устах это звучит как похвала. Куда скинуть барахло?

– Приложился башкой, зеленый? Дверь справа от стойки, – гном развернулся в указанном направлении, видимо, желая убедиться, что за последние минуты никто не украл эту дверь, а заодно и стену.

– И еще как приложился! – почему-то с радостью подхватил гоблин. – Прикинь, бородавка, я чуть не пробурил этот ыгыгский холм насквозь!

– Раз ты здесь и на лапах, значит, шарахнуло мало, – последние слова гном проворчал уже в спину Толстяка... а затем повернулся и глянул на меня – так, что я очень захотел нырнуть под стол уже сейчас.

– Мистер Хавчик...

– Ты – федеральный маршал?

Сказать, что подобный вопрос был неожиданным, значило бы сильно преуменьшить.

– Нет.

– Я так и думал, – кивнул гном. – Так вот: мистером Хавчиком называют меня только федеральный маршал Исая и шериф Билл Шарго. Остальные зовут Мак, мистер Мак, старый Мак или, – тут последовало нечто длинное и настолько типично гномское, что я даже и не попытался запомнить хотя бы первые пару слогов.

– Понятно?

– Да, сэр! То есть простите, мистер Мак, – поспешно добавил я.

– Хорошо.

Я немного потянул время. Во-первых, надо было убедиться, что гном действительно сказал все, что пока хотел. Во-вторых же, мне хотелось дожидаться возвращения Толстяка, но чертов гобл куда-то запропастился.

– Гоблин, – я кивнул на дверь, за который пропал Толстяк, – сказал, что у его банды был кредит у вас.

Мак начал протирать стаканы. Понаблюдав за этим три стакана подряд и не дождавшись ни ответа бармена, ни возвращения гоблина, я решил сделать еще одну попытку.

– Это правда?

Прежде чем ответить, гном довытирал еще один стакан.

– А твое что за дело?

– Я вроде как их наследник.

Гном принялся за рюмки.

– Раз так, – каждое слово сопровождалось мелодичным «дзынь» очередной выставленной на прилавок рюмашки, – то ты наверняка озаботился наличием бумажки с печатью нотариуса, где наверху было бы красиво написано: «Завещание». Или... *не* озаботился?

¹ Френология – популярная в XIX лженаука, изучающая характер человека на основании внешнего строения его черепа.

– Убью чертова гоблина!

Не то чтобы я проорал это на весь салун... правильнее было бы сказать: буркнул в усы... ну, в то, что я называю своими усами за неимением лучшего. Но судя по ухмылке, бармен расслышал эту фразу... и не только бармен.

– Слышь, Мак, ну хватит дергать бобра за это самое! Народ, понимаешь, волнуется!

Вышеупомянутый гoblin вдруг обнаружился совсем рядом – так, что я чуть не подпрыгнул. Подкрался, зараза...

– Народ?

– А то! – Коготь гоблина изобразил некую замысловатую фигуру... и указал на меня. – Вот! Разве плохой народ, ы?

– Под народом, Толстяк, – скушаяще произнес гном, – подразумевают нечто большее, чем одно-единственное существо.

– Знать не знаю, чего ты там подра – и так далее, – отмахнулся лапой гoblin. – Меньше слышишь о твоей половой жизни, лучше спишь, гы-ы-ы!

Ответ бармена так навсегда и остался для меня загадкой – Мак перешел на гoblinский, кажется, с добавлениями Старой Речи. Судя по тому, с каким вниманием и видимым наслаждением вслушивался в эти звуки Толстяк, речь бармена состояла из отборнейших ругательств.

– Жаль, – коротко подытожил он, когда гейзер имени Мака закончил извергаться.

– Чего? – вновь переходя на человеческий, осведомился гном.

– Что я писать не выучился, – печально вздохнул Толстяк. – Наверняка ведь забуду половину.

– Ничего страшного, – гном зевнул. – Забудешь – приходи в салун, и я с удовольствием освежу твою память.

– Ты лучше расскажи про наши бутылки, – вкрадчиво предложил гobl.

– Запросто. Как только ты расскажешь мне о том, что завтра на пороге не появится Кривоклык с остальными твоими друзьями. И, Толстяк, – добавил гном, – постарайся, чтобы этот рассказ был очень убедительным.

– Как ты сказал: «запросто», – фыркнул гoblin и, повернувшись ко мне, произнес: – Эй, парень, расскажи ему... только, ради задницы Сидящего, *медленно*.

Я последовал его совету, вытащив револьвер – двумя пальцами за рукоять и *очень медленно*. Гном отставил в сторону тарелку, выудил из-под прилавка шелковый мешочек, из которого, в свою очередь, извлек очки, квадратные, с золотой оправой, – и нацепил их на нос, отчего-то сразу приобретя еще более злобный вид.

– Да, пожалуй, аргумент из весомых. Что ж это приключилось с вашей бандой, Толстяк?

– С ними приключился я.

Мак удостоил меня взглядом сквозь очки.

– Ты, случаем, не Ваш Паникёр?

Несмотря на изрядную долю иронии в голосе гнома, мое сомнение разом поднялось на добрый десяток пунктов. Мальчишку из глуши даже в шутку редко кто сравнивает с легендарным ганфайтером.

– А что, похож?

– Нет! – резко сказал Мак, разом уронив мою самооценку обратно. – Плащ другой... и город не в руинах.

– Эй, а я знаю, где взять подходящий плащ, – встрял гoblin. – В лавке у Тощего Боба валяется один.

– Верно, – кивнул гном. – Лежит. Гробовщик снял его с типа, которого в прошлый четверг изрешетили охотники за головами.

– Это все мелочи, – пренебрежительно махнул рукой гobl. – Красное на красном все равно незаметно, а дыры от пуль можно и оставить, для улучшения вентиляции, гы-хы-хы!

- Спасибо за заботу, но я пока обойдусь своим.
- Ну как хочешь, – разочарованно вздохнул гоблин. – Мак, так чего с нашими бутылками?
- В любой момент, Толстяк. Но, – гном навел на гобла указательный палец, – если Кривоклык или Дергунчик все же объявятся здесь...
- Разве что в виде зомби, Мак. А у, – гобл хохотнул, – старины Клыка даже с этим будут ба-альшие трудности.
- Тридцать бутылок, Толстяк.
- Мистер Мак, – сказал я, – давайте кое-что проясним. Могу ли я получить эти бутылки в ином виде? Например, ужин, комната с постелью и завтрак?
- Для двоих, – быстро добавил гоблин.
- Для одного!
- Для двоих!
- Бармен, облокотившись на локоть, принялся разглядывать ползущую по краю стойки муху.
- Для одного!
- Для двоих!
- Для... Черт! – не выдержал я. – Ну назови хоть одну причину, чтобы я тебя в свою комнату ночевать пустил!
- Сорок пять.
- Сорок пять причин?
- Сорок пять мексиканских долларов, – отозвался гоблин. – Я знаю, где они зашиты, а ты – не знаешь.
- Ха, – неубедительно фыркнул я. – Теперь, когда ты проболтался, найти я и сам смогу.
- Угу, – Толстяк зевнул. – Потратишь всю ночь, изрежешь на лоскутки уйму хороших вещей.
- Да я...
- Тебе как обычно? – осведомился Мак у гоблина минутой позже, явно расценив мое затянувшее молчание как безоговорочную капитуляцию.
- Ну дык.
- А мне, пожалуйста, яичницу с беконом и, – оглянувшись, я убедился, что за соседними столиками никого нет и, понизив тон до шепота, закончил, – стакан молока.
- Есть козье, – гном выглядел совершенно невозмутимо. Можно подумать, его клиенты поголовно состоят в Обществе Трезвости. – Устроит?
- Я кивнул, и Мак тут же выставил на стойку стакан, до краев наполненный чем-то белым. Словно бы он знал мой ответ... еще до того, как я переступил порог салуна.
- Эй, а куда делась твоя корова? – заинтересовался гобл. – Позавчера ведь еще была живехонька!
- Дракон.
- Услышав ответ гнома, я едва не выронил стакан.
- Че-е-его?! – Толстяк явно испытал схожие чувства. – Да этих тварей тут отродясь не водилось!
- Зеленая мерзкая с виду ящерица с крыльями, – бармен зачем-то посмотрел на потолок. – Три ярда в длину, не считая хвоста. Свалилась в загон и задрала корову мистера Эллисона.
- И твою?
- Нет, – мотнул бородой гном. – Мою пегую и еще пять других убили наши добрые горожане, пока пытались пристрелить метавшуюся по загону тварь.
- А-а-а, – понимающе кивнул гоблин. – Ну, тогда типа мои соболезнования... и еще два стейка.

– Угу.

Больше гном не издал ни звука, но его взгляд весьма доходчиво намекнул – заказ принят, а исполнения его нам лучше дожидаться где-нибудь не за стойкой.

– Сюды. – Гоблин тоже оказался внимательным чтецом взглядов. – Лучший столик.

– Лучший *чем*?

Как по мне, выбранная Толстяком конструкция выделялась разве что количеством углов да наклоном поверхности.

– Соседом, – ухмыльнувшись, гоблин ткнул большим пальцем за свое плечо. – Здоров, а?

Со спины определить расу храпевшего за соседним столом было сложно – но судя по габаритам этой самой спины, выбирать приходилось между троллем и великаном.

– От входа нас хрен достанешь. В Малыше Роке... – гоблин, развернувшись, с маху врезал Малышу по хребту. Я поперхнулся молоком, Малыш Рок дернул плечом и захрапел дальше, – даже ядро завязнет.

– Это тебя хрен достанешь, – с досадой пробурчал я. С моего-то места вход в салун был виден, как и большая часть зала. Правда, в нашу сторону вроде бы никто не смотрел... но мне вдруг остро захотелось нырнуть под стол... или перезарядить, наконец, револьвер!

После недолгого верчения так-сяк, я вспомнил, как следует крутить шпенек под стволом, чтобы высвободить шомпол, и принялся выбивать гильзы. Одну, вторую... пятую...

– Твою мать! – вырвалось у меня.

– Ы! – заглянув под стол, гобл увидел гильзы. – А-а-а, вот чего. Так ты не знал, что «Громовой Кот» пятизарядный?

– А ты, выходит, знал? – огрызнулся я, чувствуя, как запоздало начинают дрожать колени. Провести несколько часов рядом с гоблином, имея в качестве страховки револьвер с пустым барабаном... да уж, шутка из разряда: кому расскажи, черта с два поверят!

– Знал.

– Тогда какого орка...

– Не был уверен, что выстрелы точно посчитал, – объяснил Толстяк. – Ты палил, Три Когтя палил, а у меня в башке после взрыва каждый ваш выстрел по три раза эхом грохотал.

Глава 2

Когда оно вошло, я как раз вкладывал в «максима» последний патрон и поэтому сначала защелкнул барабан, а лишь затем поднял голову – и едва не обмочился от ужаса.

Дверь уже закрылась, но клянусь Господом, я с легкостью разглядел бы его и без гоблинского колдовства – ведь вошедший в салун был во сто крат чернее самой Тьмы. Зловещая фигура, чье одеяние беспрерывно шевелилось, словно по салуну гулял смерч, а в провале под капюшоном горели не глаза – о нет, это были две частицы адского пламени, которые сразу же потянулись ко мне незримыми холодными щупальцами, чтобы вырвать из тела душу и утащить её в...

Все, что я успел – это поднять револьвер и выстрелить.

Я не промахнулся. Орк меня свари, я видел дыру в этих черных лохмотьях... и следующую дыру, в двери, сквозь которую был ясно виден свет из окна напротив.

Но исчадие Мрака даже не пошатнулось. Оно медленно вытянуло в мою сторону правую руку...

...и завизжало, словно ужаленная осой девчонка.

– Он в меня выстрелил!

– Он вовсе не это хотел, – сообщил почему-то из-за моей спины Толстяк. – Правда, эй-парень?

– Да?! Да?! Перемать эладийская, если в ком-то не хотят проделать дыру, в него разве палят из пушки?!

– Успокойся, Хьюи, – примирительно буркнул бармен. – Вечно ты поднимаешь вой из-за мелочей.

– Мелочей! – взвизгнуло чучело. – Он стрелял в меня!

– В тебя почти все в первый раз стреляют, – возразил гном. – На твоём месте я бы давно привык.

– Но ты не на моем чертовом месте!

– Поставь ему пива, – наклонившись к моему плечу, шепнул Толстяк. – Иначе его не заткнуть.

– Бармен! Пива... э-э... этому... э-э... вот ему, за мой счет.

Заполучив себе в, гхм, лохмотья кружку с пенным верхом, пугало разом убавило тон до едва слышного бормотания и утащилось с добычей в дальний угол.

– С тебя три доллара!

– Что-о-о!

– Пятьдесят центов за пиво и два с половиной – за дыру в двери. – Подошедший к столику гном выложил передо мной нечто прямоугольное, отлично выделанной кожи, на котором чуть выше тисненых золотом рун зеленела небрежно нацарапанная мелом – и уже полустершаяся – надпись: «Мяню».

– Прейскурант на последней странице. Читать умеешь или озвучить?

– Умею.

Я осторожно раскрыл «мяню», и в конце действительно нашел «Прейскурант на специфические услуги, как-то:

1. Отмывание крови с пола – 75 центов.

2. Отмывание крови со стены – 85 центов.

3. Отмывание крови с потолка – доллар и двадцать центов.

4. Соскребание мозгов – 3,50 за засохшие, свежие принимаются как деликатес по 1.55 за унцию.

5. Дыра в стене от дробы – 4,20

6. Дыра пулевая – 2,50, скидка за опт начиная с десяти.

7. Дыра от ядра...

8. Взрыв динамитной шашки...»

Список был длинный – чувствовалась проявленная при его составлении гномская обстоятельность – а завершало его весьма «ободряющее» заявление о том, что «раненым предоставляется отсрочка платежа и скидки до 15 %».

– Эй, Хавчик, а чего это цены так подскочили?! – Гобл, выгнув шею, также разглядывал «прейскурант». – Месяц назад дыра от пули была всего по два двадцать.

– Инфляция, – лаконично сообщил гном.

– Чего?!

– Все дорожает.

– Ладно, – вздохнул я, – добавьте к общему счету.

Оставалось лишь надеяться, что пуля не натворила дел на противоположной стороне улицы. Кто знает, какие там расценки на дыру в стене, в портрете любимого дедушки Джо или, упаси Господь, в самом дедушке Джо.

– И, Толстяк, – тихо произнес я, когда гном отошел обратно за стойку. – Хочу попросить кое о чем.

– Ы?

– У гоблов отличный слух, верно?

– Ы? Говори громче, эй-парень, я после сегодняшнего трам-тара-рама малость глуховат.

– Не мог бы ты, – я повысил голос, – предупреждать меня всякий раз, когда на пороге объявится кто-то вроде этого... Хьюи.

– Несложная работенка, эй-парень. – Гобл сверкнул клыками. – Хьюи у нас один такой. Местная достопримечательность, эта... как его... уникум!

Странно, подумал я. Мистер Небьюл, учитель воскресной школы, тоже иной раз именовал некоторых учеников этим самым уникумом, но... я покосился в угол, где скрючилась над пивом черная тень. Сходства с Тимом Перкинсом не было и в помине, равно как и с Мэгги Лав.

В любом случае от гобла я хотел добиться кое-чего другого.

– Я имел в виду: предупреждать, когда в салун войдет кто-то, выглядящий опасным, но по кому вовсе не стоит стрелять. Так понятно?

– Угы, яснее ясного, – кивнул Толстяк. – Предупреждаю.

Думаю, минут через пять я бы все же понял, что гобл не шутил – разве что издевался. Я все же не тупой. Но сейчас в моем распоряжении оказалась лишь пара секунд. Затем около нашего стола объявился лишний стул, а на нём – примерно триста фунтов костей, мышц, усов, черной кожаной куртки, многократно переломанного носа и очень скверного настроения. По многочисленным шрамам – от подбородка до макушки начисто выбритого черепа – можно было бы легко представить отдельные подробности карьеры нашего гостя. Впрочем, узнавать их я сейчас хотел, пожалуй, меньше всего. Мне вполне хватило понимания того факта, что подсевшего к нам человека явно тяготила предстоящая необходимость разговаривать – общение посредством кулаков и револьвера было для него привычнее.

– Значит, вот чего, – начал он. – Я местный шериф, звать меня Билли Шарго, и *меньше всего на свете мне нужны неприятности в моем городе!*

– Дарова, Билли! – тут же отозвался гобл. – С тобой мы типа знакомы, а моего нового друга зовут «Эй-парень!».

Шериф не удостоил Толстяка даже намека на взгляд. Он медленно и тщательно изучал меня – нахмурившись, то и дело моргая, и снизу вверх. Я припомнил, что именно так и с таким же выражением на лице наш станционный кассир Ларс Хенкли рассматривал банкноты, в которых подозревал фальшивку, – и это сравнение мне совершенно не понравилось.

– Меня зовут Кейн, мистер Шарго, – сказал я, – Кейн Ханко.

– Кейн, значит, – усмехнулся шериф. – Ну а где ж тогда твой брательник Авель?

Знал бы ты, сколько раз я слышал эту шутку, тоскливо подумал я. И *как* она мне надоела!

– Вот за этим как раз мама и отпустила меня в Пограничье. Найти брата. Только его Крисом зовут. Крис Ханко. Не доводилось о таком слышать?

– Нет.

На мой взгляд, ответ последовал слишком быстро, чтобы счесть его правдивым. Но указывать на это собеседнику было... как-то неловко.

– Жаль, – вздохнул я.

– Эй, а каков он из себя, твой брательник? – снова встрял в разговор гоблин. – В смысле морды рожи.

– Ну-у...

Это был сложный вопрос. Когда Крис отправлялся из дому «поглядеть на мир и людей» через прицел федеральной винтовки, я был еще мал и сейчас не очень-то полагался на те, детские воспоминания. Да и братец сейчас наверняка выглядел постарше. Из более же свежих изображений наличествовала газетная вырезка, извещавшая о свадьбе мистера Кристофера Ханко и мисс Элизабет Дегран. По прилагавшемуся к заметке рисунку можно было уверенно сказать, что платье невесты – белое, сюртук жениха выдержан в темных тонах, а в свадебное «сефтоновское» ландо запряжен единорог, статью очень похожий на першерона.

– ...вроде как я, только старше.

– Шутишь? – этот вопрос задал шериф. Толстяк же отреагировал протяжным: – Издеваешься?

Я мотнул головой.

– Вон тама, за третьим от входа столом, – гоблин показал на правое плечо Малыша Рока, – сидит, а скорее, лежит, ужравшись в хлам, Джонни-Редис. У него лысина на полмакушки, седые космы вместо нормальных волос, три зуба на всю пасть, бельмо на левом глазу и рожа из сплошных морщин. Месяц назад он клянчил на выпивку по случаю своего дня рождения... ему стукнуло двадцать два.

– Жертва Дикой Магии? – со знанием дела предположил я.

– Дурные приятели, эй-парень. В первую очередь – они!

– А во вторую?

– Всякая мелочь, – гобл изобразил какой-то странно-неопределенный жест, – дешевое мексиканское пойло, вода из луж, мясо падали, ветер, солнце, черный маг в плохом настроении...

– Толстяк.

– Чего, Билли? – оскалился гобл.

Шериф молчал. Зловещая тишина над столиком очень медленно досчитала до пяти. Толстяк прекратил скалиться и, опустив голову, тихо буркнул: «Чего надо, мистер Шарго?»

– Твое молчание.

Гобл не ответил – то ли оскорбился вконец, то ли начал выполнять приказ шерифа немедленно по получении. Шарго еще с полминуты посверлил его глазищами, а затем вновь обратился внимание на меня.

– Я жду ответа, – напомнил он.

– Э-э... а на который вопрос, мистер?

– Как ты собираешься найти своего брата, если даже не можешь описать его?

– Ну, – начал я, – думаю, Крис все же немного похож на прежнего себя.

– Ясно.

«...что ты, парень, круглый дурак!», – без труда закончил я фразу.

В чем-то шериф был прав – временами я и сам не очень верил, что мне удастся выполнить маменькино поручение. Жизнь в маленьком городишке, она того... искажает представление о

мире, особенно – о его размерах. Дома я и сам, глядя на вырезанную из газеты карту Пограничья, не мог представить, что россыпь городков и фортов отделена друг от друга не парой мушиных шажков, а десятками миль.

Но, мы, Ханко, не те люди, чтобы так вот запросто дать задний ход, не выполнив задуманное... ну или хотя бы не попытаться.

– Следующий вопрос – что стало с бандой Кривоклыка?

– Я.

Шериф мрачно посмотрел на меня. Сунул руку куда-то в недра куртки – я едва не сполз под стол, хотя и видел, что револьвер шерифа «мирно» покоится в кобуре на поясе – достал небольшую плоскую флягу. Аккуратно, двумя пальцами скрутил крышку – и по салуну сразу же пошел вкусный запах, то и дело исторгая из посетителей завистливый стон. Сам Шарго тоже пару секунд пошевелил ноздрями, затем изобразил на лице подобие улыбки, поднес флягу ко рту и сделал один маленький глоток.

– Хочется еще, – объявил он, пряча свое драгоценное пойло назад и, заметив мое недоумение, пояснил: – подробностей.

По тону ясно чувствовалось: выслушивать эпическую поэму о долгой и кровавой битве, с участием орды-другой орков с одной стороны и федеральной дивизии с другой, шериф отнюдь не жаждет. Поэтому я счел за лучшее ограничиться очень кратким рассказом: шёл, встретил, поговорил, пальнул, попал, бабахнуло, один в дым, второй просто труп, поднял револьвер, пальнул, попал, убил.

Шериф задумался.

– Вообще-то за голову Кривоклыка было назначено двести пятьдесят долларов. Жаль, что ты не догадался прихватить её.

– Там головы-то и не осталось, – с сожалением сказал я. – Говорю же: разнесло в клочья.

– Ну, значит, не повезло тебе!

– Угу.

Двести пятьдесят долларов, конечно, были для меня сейчас целым состоянием, но с другой стороны, останься Кривоклык в большей сохранности, я бы тут сейчас не сидел.

– А за остальных награды не было?

– Нет. Впрочем, – добавил шериф, – Сэм Хопкинс, местный представитель Компании, платит за клыки зеленошкурных. По три доллара за пару.

– Не густо.

Я покосился на Толстяка. Возможно, гobl и не соврал насчет глухоты после взрыва, или нервы у него были стальные. Он продолжал жрать.

– Хочешь пристрелить этого? – Шарго совершенно правильно истолковал мой косой взгляд. – Лучше дождись, пока выйдет наружу. Мак чертовски не любит отскребать со стен всякое дерьмо после пальбы... и дерёт за это втридорога.

– Я... подумаю.

– Подумаешь? – кажется, шериф сомневался в моих умственных способностях... причем заслуженно. – Ну, смотри. Здесь, в Пограничье, это не самая полезная привычка.

– Да уж, – пробормотал я, – это я успел заметить.

– Будь я на твоём месте, – Шарго начал подниматься, точнее, воздвигаться из-за стола, – не стал бы ломать голову там, где незачем.

– И все-таки, – возразил я, дождавшись, пока за выходящим шерифом захлопнется дверь салуна, – я *подумаю*.

Гobl тем временем дочистил свою миску и тоскливо уставился на мою, почти нетронутую.

– Ну, как тебе наш светоч законности?

– Внушает.

Осторожно взяв стакан, я сделал маленький глоток. Молоко было холодное... и вкусное. Осмелев, я сделал глоток побольше...

– Зараза, каких мало! – глядя на стакан, с чувством произнес гоблин.

– Кхыр-р-р-бэ-э-э!

Молоко я удержал в руке исключительно чудом. Еще удивительнее было то, что в желудке удержалась уже проглоченная часть яичницы.

– Вор, убийца и лжец.

– Чего? Так ты не про козу?!

– Козу? – непонимающе повторил Толстяк.

– «Скотина», это про кого было?

– Про Билли, само собой. Первая скотина здешней помойной ямы. А видел бы ты его подручных, – принялся разглагольствовать гобл, – один другого гаже. Отборнейшие ублюдки...

– Толстяк, – перебил я гобла, – ну-ка, напомни, при каких обстоятельствах мы с тобой встретились?

– Ы-ы-х, я ж не говорю, что пять минут назад спустился из вашего Рая, – ничуть не смутился гоблин. – Но до Билли Шарго с его сворой Кривоклыку было далеко...

В последнее я вполне был готов поверить. Как и в то, что нелестные речи о мистере Шарго – совсем не лучший способ мирно просуществовать в этом городишке хоть пару дней. Гоблин-то по жизни двинутый, а сейчас еще и на голову стукнутый, мне же лишние проблемы ни к чему – хватает и тех, что уже имеются.

– Толстяк.

– Чего?

– Мне тоже нужно немного твоего молчания.

* * *

В тьюфяке не было клопов. Этот простой факт сразу поднял мое мнение о мистере Хавчике и его заведении на добрых пять пунктов. Ни клопов, ни блох, ни москитов – в комнате явно поработал хороший маг-диз... дизайн... короче, здесь стояло хорошее заклятье от насекомых.

К сожалению, на гоблинов оно не действовало.

– Мне нужны свечи.

– Зачем?

Клянусь, я был уверен, что ни один из возможных ответов гоблина не заставит меня удивиться. Но я, в который уж раз, недооценил Толстяка.

– Для моего шедевра.

– Че-е-его?!

– По ночам ко мне обычно приходит муза, – пояснил гобл.

– Так, – начал я, – про девку никакого разговора не было.

Толстяк тяжело вздохнул.

– Муза, это не девка, – сообщил он. – Вернее, девка, но бестелесная. Вдохновение дарит и все такое. Проще говоря, по ночам я люблю малевать.

Свались мне сейчас на голову стропило – и то навряд ли я был бы ошарашен сильнее.

– А?!

– Рисовать, картинки делать. Эй, ты только не говори, что в жизни картинок не видел.

– Видел, – кивнул я, – но готов спорить на, на... на всё, что у меня есть – ни одна из них не была нарисована гоблином!

– Знаешь, – после недолгого молчания сказал Толстяк. – Будь у тебя барахлишка на тыщу-другую, я бы тебя сейчас раздел.

Теперь уже наступила моя очередь молчать. Картина, значит... маслом... или там, гравюра... произведение искусства, проще говоря. И гоблин – зеленый, клыкастый, вонючий... Впрочем, к запаху данного конкретного гобла я то ли уже привык, то ли что.

По отдельности гоблин и картина вполне существовали. Но вот совместить их моей голове не удавалось.

– Ты хочешь сказать, – пробормотал я, – что гоблины умеют *рисовать*?

– Умеют-умеют, – заверил меня Толстяк. – Не все, канечшна, – подумав, с явным оттенком превосходства добавил он, – но некоторые, наиболее выдающиеся представители нашего народа.

– Выдающиеся чем, пузом?

– Между прочим, – гобл обиженно выпятил губу, из-за чего стал выглядеть вдвое страшнее, – я потомственный художник. Моему дедуле даже Пещеру Славы доверили размалевать! Эх, – мечтательно закатив глаза, вздохнул Толстяк, – видел бы ты, как мастерски дедуля изобразил нашу победу над орками Сухой Долины. Придешь, бывало, в пещеру, глянешь – а рука уже к дубине так и тянется, врезать по их гадским ромам! А орнамент! Лучше дедули орнамент из черепов никто выложить не мог!

– Да, – с сарказмом произнес я, – верю, это был великий мастер.

– А то! Когда его бизон затоптал, на Прощальное Пиршество со всей округи сбегались – палец там выклянчить или хоть косточку пососать.

Мне уже рассказывали про гоблинское отношение к собственным покойникам. Но все-таки одно дело – когда слушаешь байки старого пьянчуги в станционном баре, и совсем другое – когда примерно те же бытовые подробности жизни гоблов излагает самый натуральный гоблин. А вокруг – городок на пару дюжин домишек и стена с парой сонных часовых, сразу за которой начинаются владения этих самых гоблинов, орков и прочей нелюди.

– Это была отличная история на ночь, Толстяк, – мрачно сказал я. – Лучше просто не бывает.

– История? – удивился гоблин. – Ты о чем?

– Про то, как жрали твоего деда.

– А-а... не, это не история. Вот когда Аагрых попался воинам Койена... мы как раз враждовали с ними...

– Толстяк!

– Я ж только начал...

Хоть я и новичок в Пограничье, но здешнюю первую заповедь уже успел кое-как затвердить – и поэтому далеко тянуться за револьвером не потребовалось.

– Или ты отложишь эту историю до утра... – я взвел курок, – рождественского... или я решу, что три доллара больше сорока пяти.

– Ты не выстрелишь, – неуверенно сказал гоблин.

В миле от нашего городка жил одноногий ветеран, мистер Хекмен. Потерял он от картечи джонни-ребов не только ногу, но и часть горла, так что смеялся он довольно редко, а уж понять, что он именно *смеется*, могли только его хорошие знакомые. Я потратил довольно много времени, пытаясь научиться копировать издаваемые им звуки – а сейчас это умение пригодилось.

– Г-г-г-ы-ы-ц-ц-ц. Кривоклык, наверно, тоже так считал?

Толстяк задумался, нервно теребя бахрому куртки.

– Может, другую историю, а?

– Может, здешний скорняк согласится взять шкуру гоблина хоть за двадцать центов, а?

– В этой дыре скорняка не водится.

– А некромант, которому для гримуаров нужен переплет поновее? – я улыбнулся. – Толстяк, или ты дашь мне спокойно заснуть...

– Да дрыхни ты хоть до завтрашнего полудня, – неожиданно весело произнес гоблин. – Валяй-валяйся.

Гобл подпрыгнул – доски пола скрипнули, но выдержали – и, что-то бормоча себе под нос, направился к двери.

– Ты куда?

– За свечами.

Дверь захлопнулась.

Я прислушался. Зря – о маршруте гоблина мог узнать любой желающий и нежелающий, кроме стопроцентно глухих. Вот он дошел, вернее, доскакал до конца коридора, ссыпался по лестнице... с грохотом врезался во что-то тяжелое и металлическое – судя по раздавшимся сразу вслед за столкновением проклятьям, это был гном.

Из их перебранки я наверняка мог узнать множество новых для себя слов – но не хотел этого, причем категорически. Мне хотелось только спать.

Осторожно спустив курок, я сунул револьвер обратно под подушку. Затем вытащил, пристроил сбоку от тюфяка, на освободившееся же под подушкой место спрятал голову и как можно плотнее заткнул уши.

Не помогло.

– Ты не мог бы хлопнуть дверью чуть поти... – тут я увидел, что именно сжимает довольный гобл в лапе и заорал: – Какого дьявола?!

– Ы-ы-ы?!

– Это же гномские «вечные» свечи!

Мы их покупали раз в год, для рождественской ёлки. И то – если огарок, по мнению папули, оставался достаточно большой, то свечу припрятывали до следующего сочельника.

– Ну дык...

– ЗАЧЕМ?!

– Дык они ж самые лучшие, – с искренним недоумением отозвался гоблин.

– И самые дорогие! И, тролль на тебя наступи, зачем ты взял ОХАПКУ?!

– Для моего шедевра, – гобл повернулся ко мне спиной и принялся деловито прикреплять свечи к полу... стене... потолку, – нужно хорошее освещение.

Спорить с ним бесполезно, понял я. Или пристрелить, или... я почти решился на «пристрелить», но для этого надо было сначала перевернуться на другой бок, а я уже вполне уютно устроился на этом... и глаза закрываются...

Так я и уснул – в залитой светом комнатухе, под треск свечей, скрежет угля и бормотание свихнувшегося нелюдя.

* * *

Ночью, как и следовало ждать, мне приснился кошмар.

Старый сарай темен, свет лишь кое-где лениво просачивается сквозь щели. Впрочем, со светом и на дворе неладно – осень, тучи, ну и все такое.

Я сижу под самой крышей, верхом на балке, одной рукой пытаюсь держаться за поперечный брус, а второй – прижимая к груди ботинки. А шаги приближаются, тяжелое чпок-чпок-чпок по грязи. Вот они уже совсем рядом, дверь со скрипом распахивается и в сарай вместе с порывом ледяного ветра вваливается ОН.

– Чертовы мальчишки...

Со своего места я видел только шляпу мышиного цвета, край пуза и, конечно, волочившийся следом кнут. Длинный кнут. И владел он им отменно. Мы не раз глазели – из-за изгороди, разумеется, – как Сэм Клайв по прозвищу Чеширский Хряк сшибает им головки чертополоха... за пять ярдов.

– Доберусь я до них, ох доберусь... они еще пожалеют... они еще проклянут день и час, когда решились...

Лично я уже давно проклинал день и час, когда поддался на подначки рыжего Билла Гровса. Но вряд ли человек внизу был склонен узнавать об этом. Он бродил по сараю, заглядывая во всякие укромные места, его бормотание с каждой минутой звучало все мрачнее – а мои ноги тем временем превращались в ледышки.

Это тянулось долго, целую вечность – пока уставшие пальцы не соскользнули с бруса. Я начал медленно, словно во сне, валиться вниз, прямо на остановившуюся точно подо мной мышастую шляпу Хряка...

...и стукнулся лбом о доски пола.

Как выяснилось, удар хорошим, крепким полом по голове – отличное средство против ночных кошмаров. Дабы избавиться от наваждения окончательно, я повернул голову – уж что-то, а вид ухмыляющегося гоблина запросто перекроет и десяток Хряковых рож.

Гоблина не было. На полу дотлевал огарок последней свечи, а открытое настежь окно – так вот чего у меня так ноги заоченели! – недвусмысленно намекало, каким именно способом меня покинули сорок пять мексиканских долларов... плюс три за клыки. Чертова зеленая скотина!

Бормоча проклятья по адресу собственной мягкосердечности, я запер окно и упал обратно в кровать, искренне надеясь, что на этот раз ко мне в сон явится кто-то получше Чеширского Хряка. Например, Молли Эшвуд... Впрочем, после Хряка я был согласен даже на рыжую корову ее тетки, которую мне как-то пришлось пасти целых полторы недели... хотя по совести, тот старый горшок и трех дней не стоил.

Молли, конечно же, мне так и не приснилась, но и кошмар – тоже. До утра.

– А, проснулся, – поприветствовал меня знакомый голос. – Ну глянь, зацени работу. Всю ночь рисовал! По мне, получилось знатно!

Кое-как приоткрыв левый глаз, я повернул голову... и застыл, распахнув рот и глаза на максимально возможную величину.

Это были эльфийка и единорог. Гоблин не поскупился на уголь – он рисовал в натуральную величину. И в остальном его творение тоже было натурально донельзя. То есть, понятное дело, единорогам одежда не положена, но...

– А-а-а п-п-почему она т-такая... п-п-п...

– Прекрасная?

– П-п-п...

– Прелестная?

– П-п-п-неодетая!

– Одежда помешала бы ей насладиться процессом! – заявил гоблин. – Но из виду я ничего не упустил. Смотри, вон лоскут на кустике... вон обрывок рукава... а лежит она на остатках юбки.

На самом деле Толстяк сказал не «процесс». Он употребил совсем другое слово, при этом еще и жестами его, гм, подкрепил. Конечно, я – не юная монашка, как и отчего появляются жеребята, знаю не понаслышке. Но...

– Да ты краснее помидора! – удивленно произнес Толстяк. – Эй, а ну, отвернись, нечего дышать в мою сторону! Мало ли какую заразу можно подх... Задница Сидящего! Ты чего, девственник?!

– Вот еще! – буркнул я, краснея еще больше.

– Промежду прочим! – с невинным, насколько это вообще возможно для гобла, видом произнес Толстяк, – ходят слухи, что близ горы Пьяного Шамана видели единорога.

– И кто его видел? Лично пьяный шаман?

– Ну, не скажу, что все свидетели были трезвы, как проповедник, – заюлил гобл, – но, эй-парень, подумай – с чего вдруг добропорядочному орку или троллю даже после трех-пяти... десяти кувшинов текилы видеть единорога? Этой твари в наших краях от Сотворения не водилось!

– Вот именно!

– А знаешь, почем нынче идет рог единорога? – заговорщицки прошептал Толстяк. – Шестнадцать долларов за унцию. А? Это тебе не с лотком горбатиться...

– Гобл безмозглый, да подумай же наконец! Если твои приятели никогда не видели единорогов, то с какой луны на них свалилось знание, что им привиделся именно этот зверь?! А?! Ты сам-то сумеешь отличить единорога от верблюда?

– Верблюда я уже как-то жрал! – с деланным равнодушием сообщил Толстяк. – Спасибо федеральной армии за доставку². Деликатес из него, правда, вышел неважный, мясо почти все уварилось, да и на вкус оно было так себе. Зато жир из горба... м-м-м, когти оближешь!

Я медленно подошел к окну. Распахнул его, впуская в комнату свежий... ну, относительно свежий воздух. Выглянул наружу и с удивлением обнаружил, что городок выглядит почти как вчера.

– Ты чего?

– Проверяю, не перенеслись ли мы за ночь в Африку, – объяснил я.

– Это страна, откуда вы черномазых возили? – уточнил гоблин. – У нас в племени как-то завелся один...

– Завелся?!

– Ну, мы сожрали его белого массу и пятерых слуг, а этот старикан был такой дряхлый и костлявый, что и дров на него было жалко. Решили оставить его на завтра, на ужин, а вышло так, что поймали бизона, потом орки Р-рыгара...

На улице грохнул выстрел. Я сунулся к окну, но краем глаза засек, что гобл падает на пол, и последовал его примеру – очень вовремя, потому что в следующий миг выстрелы слились в одну сплошную трескотню. Прямо под окнами раздался дикий нечеловеческий визг – судя по громкости, подстрелили лошадь или троллиху. Затем пальба начала смещаться вдоль улицы, постепенно снижая интенсивность, и закончила глухим «бабах!» динамита где-то в районе городских ворот.

– Так вот... – гобл по-прежнему лежал на полу, и я решил последовать примеру старожилы – кто знает, как здесь обстоит дело со вторыми раундами?

– ...негр этот, бывало, часами сидел и нес всякую муть про свою родину за Большой Соленой Водой. И знаешь, эй-парень, послушав его, лично я понял, что наши Запретные Земли – далеко не самое паскудное на этом свете местечко.

– Это поправимо, – заметил я. – Причем я даже знаю, кем именно.

– Ну до вас, людей, – Толстяк приподнял голову, прислушиваясь, – нам...

На улице вновь грохнул выстрел. Я покрепче вжался в пол, но на этот раз продолжения не последовало.

– ...далеко, – как ни в чем не бывало закончил фразу гоблин. – Не, полежи еще... последний бах – это была пушка Билли Шарго.

– И-и?

– Пальба – это банда Билли перестреливалась с кем-то пришлым, – охотно пояснил гоблин. – Стволы незнакомые, судя по резковатой пальбе – гномские, и патронов эти гости

² В 1855 году Конгресс САСШ выделил 30 тысяч долларов на то, чтоб проверить: может ли армия использовать верблюдов в качестве тягловой силы. Эксперимент провалился, но в штате Аризона до сих пор действует закон, запрещающий охоту на верблюдов.

не жалели. Прорвались к воротам, снесли... понятное дело, Билли был расстроен, причем настолько, что пристрелил кого-то из своих.

– А с чего ты взял, что шериф убил своего, а не пришлого?

– Чужака Шарго бы непременно повесил. – Гобл провел большим пальцем по шее. – Такая у него привычка, у нашего Билли-боя. Не-е, зуб против скальпа, Билли Шарго сейчас в очень дурном настроении... запросто может начать палить в окна и дураков, что не вовремя из них высунутся.

Милые манеры у здешнего шерифа, подумал я, ничего не скажешь. И вообще с каждой секундой Погребальнец нравился мне все меньше.

– Вчера ты промолчал...

– Ы-ы?!

– Ты сказал, что в этом городишке только два развлечения: выпивка и девки.

– Ну да. Раньше-то, говорят, было веселее – раз в месяц горожане собирали суд Линча, вешали кого-нибудь... все, понятное дело, с выпивкой, музыкой, танцами. А с Билли-боем, – сказал гоблин, поднимаясь на лапы, – не разгуляешься. Он обстрипывает быстро и просто: накинул петлю, дал кобыле пинка и готово! Слушай... – не меняя тона, поспешно добавил Толстяк: – Пошли завтракать!

– Пошли?! Нет уж, мистер гобл, это я пойду завтракать! А ты... ты...

– Да не кипятись ты так, эй-парень, – фыркнул гоблин. – Мне ж не жалко, я могу и пообедать.

* * *

Гоблин слинял очень вовремя. Клянусь, просиди он рядом еще полминуты – и я бы позабыл даже про сорок пять мексиканских долларов. Потому что когда ты пытаешься есть свиную грудинку, а нелюдь рядом с тобой то и дело чавкает: «поймали мы как-то двух миссионеров»... или – «в том форте был один капрал, до чего вкусный...» – тут уж рука сама по себе тянется к револьверу.

К счастью – своему – гобл сожрал доставшуюся ему порцию быстро. И сразу же куда-то пропал, оставив меня терзать ножом злополучную грудинку, бормоча при этом: «Это свинина, это обычная свинина, ну разве ты сам не видишь... МАК, черт возьми, это ведь свинина?!»

Хавчик материализовался около стола минутой позже. Одет он был менее устрашающе, чем вчера, – белая рубашка, черный жилет – и вообще был сегодня больше похож на банковского клерка, чем на хозяина салуна в Пограничье. Образ нарушал разве что здоровенный тесак в правой руке.

– Проблема?

– Э-э... ну-у...

Гном не стал дожидаться от меня связной речи. Он быстро взмахнул тесаком, отрубил очень тонкий, почти прозрачный ломтик грудинки, понюхал его, а затем положил в рот и принялся тщательно жевать.

– Похоже на свинину, – сообщил он, закончив работать челюстями. – На кухне с утра имелось двадцать фунтов свиного мяса и пятнадцать фунтов копченого аллигатора. Аллигатор по вкусу напоминает курятину. Выводы? – резко спросил Мак, буравя меня из-под очков.

– Сэр, это свинина, сэр! – стараясь не глядеть на тесак, отпартовал я. Черт... до ближайшего приличного водоема три дня и то – поездом. Откуда тут взяться аллигаторам?

– И я так думаю, – согласно кивнул гном.

Я радостно улыбнулся. Приятно угадывать мысли существа, способного в мгновение ока сделать из тебя фарш.

– Что-нибудь еще, мистер Ханко?

– Нет, спасибо.

Гном вернулся за стойку. Я тоскливо уставился на грудинку. Мясо в ответ злорадно уставилось на меня. Сложно сказать, кто из нас был более несимпатичен друг другу... наверное, все же я – ему. Ну ладно.

Проще всего, конечно, было бы тайком сунуть это мясо в карман и выбросить около первой же помойки. Конечно, останутся пятна, но жир отстирывается куда проще, чем кровь, а гномы, если верить слухам, очень болезненно переносят намеки на плохое качество их стряпни. Да, это был самый простой путь – для какого-нибудь мистера янки с побережья. Но я пока еще не успел обзавестись привычкой выбрасывать хорошую еду – пусть даже вид её вызывает приступ тошноты.

Кое-как откромсав ломтик чуть потолще отрезанного гномом, я зажмурился, нашел вилкой рот и...

– Можно я тут присяду?

Сначала я выронил вилку. Затем нырнул под стол, открыл глаза и увидел ноги. Точнее, ступни, обутые в пропыленные сапоги – с квадратным носком, толстой подошвой и невиданной мной доселе чешуйчатой кожей. Выше сапог начинался подол платья.

– Так можно мне сесть?

– М-м-м, да, конечно, м-м-мисс, – я решил остановиться на этом варианте, поскольку ноги таинственной незнакомки в своей видимой части выглядели стройными, а голос – юным.

– Спасибо.

Подобрав чертову вилку, я незаметно стряхнул мясо под соседний стол, и лишь затем выпрямился.

– Приятного аппетита.

– С-спасибо.

Сначала я увидел её волосы. Не то чтобы их было слишком уж много или они были уложены какой-нибудь хитро закрученной укладкой. Просто до сегодняшнего дня мне довелось видеть множество вариантов рыжего, но вот столь чистый красный цвет я лицезрел впервые.

Потом – спустя полминуты или больше – до меня дошло, что пялиться в упор, наверное, не совсем вежливо, и я с трудом перевел взгляд чуть ниже.

Что ж... это действительно была мисс – девушка как раз стянула перчатки, так что я без труда смог убедиться в отсутствии колец на её тонких пальчиках. Впрочем, вышивка на безрукавке с лихвой компенсировала эту нехватку дамских украшений – серебряное шитье в мексиканском стиле шло так плотно, что местами под ним и основа не проглядывала – даже меховая оторочка была забрана тонкой серебряной сеткой. Очень красиво, столь же полезно – повстречайся девушке голодный оборотень или вампир, им пришлось бы уговаривать её раздеться – и наверняка очень-очень дорого.

Дальше в списке значилось платье – шерсть и кожа, насколько я мог разглядеть, – вышивка на нем была исполнена скорее в манере лесных орков. Числится за ними склонность к ярким краскам, так чтобы орнамент получался даже не кричащим, а орущим. И опять – если нити рисунков выглядят яркими сквозь дорожную пыль, значит, нитки эти не простые, а крашенные новомодными гномскими алхимическими красителями... тоже совсем недешевыми.

Завершали же список шляпа и черные противосолнечные очки.

На взгляд юнца из провинции, это была шикарная упаковка для первоклассного товара. И слишком хороша для такой дыры, как Погребальнец.

– Слышала, вы ищите работу.

Я как раз решил продемонстрировать силу воли путем доедания грудинки – зря, как оказалось. Пытаться соображать с набитым ртом было еще сложнее, чем говорить.

– Ну-у... кхм...

По правде говоря, работу я искать собирался – до того, как на меня свалилась куча трофеев. С другой стороны, деньгам свойственно заканчиваться, и быстро, а моему бюджету предстояла здоровенная дыра... с новую лошадь размером.

– ...скорее да, чем нет, мисс...

– Лисса.

– Алиса?

– Нет, Лисса, без «а», но с двумя «с». Так меня зовут. Лисса Вей.

– Кейн Ханко, – в свою очередь представился я и спросил. – А что за работа?

– Я ищу своего брата... – начала девушка.

Вопль я удержал чудом.

– Э-э... мисс Вей, вообще-то про брата – это была моя реплика.

– Не понимаю, о чем вы, мистер Ханко, – с легким удивлением произнесла девушка. – Я и в самом деле ищу своего двоюродного брата Лина.

О как!

Будь я умником из какого-нибудь колледжа, то наверняка бы сейчас выкроил часок-другой, чтобы прикинуть: а какова вероятность встречи двух людей со столь схожими целями в дыре наподобие здесь? За мной же колледжей с универсами не числилось, но кости, покер и другие благородные игры в мое образование входили наравне со списком основных шулерских приемчиков – спасибо Пэту Малони и его колоде. Вот и сейчас я вполне явственно расслышал тук-тук-тук-перестук... мысленно поглядел на три выпавшие шестерки... ну и решил, что *так* – не бывает!

Тем временем в руках у мисс Вей появилась небольшая сумочка.

– Вот, посмотрите...

Я механически взял протянутый девушкой небольшой прямоугольник и секунд пять тупо вглядывался в серую бумажную гладь, на которой не было ровным счетом ничего, кроме троицы мелких клякс в левом верхнем углу. Затем до меня дошло, что у плоских предметов обычно две стороны.

На обратной стороне наличествовал рисунок тушью, а точнее – портрет молодого паренька, моих лет или чуть старше. Насчет паренька, впрочем, я не был уверен – волосы до плеч и узел на макушке оставляли место для вариантов.

Что-то в нём было странное, в этом рисунке. Что-то... но сегодняшнее утро явно не благоволит к людям по имени Кейн. Я сидел, смотрел и чем дальше, тем больше чувствовал себя тупой свиньей. Что-то... рубашка? Ну, воротник непривычного покроя... нет, не то. Плащ? Не, плащ как плащ. Непонятная палка, торчащая из-за плеча парня? Нет, не то...

От отчаяния мне захотелось постучаться лбом о столешницу. Дурацкое чувство... знаешь, что разгадка у тебя прямо перед глазами, но не видишь её, что называется, «в упор!».

На всякий случай я даже потер большим пальцем костяную рамку. Тяжело вздохнул, протянул портрет обратно – и стоило мне вновь увидеть лицо мисс Вей, как злосчастная разгадка сама слетела с моего языка!

– Да вы же чертовы китайцы!

Глава 3

По утрам в салуне Хавчика было немногочленно, да и нелюдь тоже не спешила набиться сюда буйной толпой. Так что на мой выкрик среагировала лишь троица за столом у окна, – судя по бородам и количеству бутылок под столом, они заседали там еще до постройки салуна, – да сам Хавчик. Троица секундой позже вернула свое внимание мухам на окне, гном же глянул на меня... не уверен, но уж больно этот взгляд был похож на одобрительный. Чертов низкорослый расист.

Однако больше всего меня волновала, разумеется, реакция девушки напротив – и она не замедлила воспоследовать.

– Вы не любите выходцев из Поднебесной?

Тон, которым был задан этот вопрос, больше подошел бы какой-нибудь эскимоске – льда в нем хватало на пару айсбергов.

– Нет, мисс, что вы, – поспешно забормотал я. – Люблю... ну, в смысле, не имею ничего против... вчера я даже гоблина целых полдня терпел, – аргумент, на мой взгляд, свидетельствующий об исключительной терпимости к инородцам. – Я просто никак не мог в толк взять, на кого же вы похожи. Клянусь, мисс, ей-же-ей! Не доводилось мне до сегодняшнего дня видеть живого китаез... выходца из Поднебесной.

Это была истинная правда. По слухам, за последние годы китайцы начали в больших количествах водиться на Западном побережье – их начали завозить после 66-го, когда церковники протасили сквозь конгресс поправку о бессрочности упокоения. С нашей же стороны САСШ железнодорожные компании взамен зомби пока обходились ирландцами.

– Я... – девушка испытующе глянула на меня, – верю вам. К сожалению, в вашей стране многие относятся к нам с неприязнью... которую мы ничем не заслужили. Но вы, мистер Кейн, как мне кажется, не похожи на этих людей.

– А что приключилось-то с вашим братом? – спросил я, надеясь поскорее уйти от неблагоприятной темы межрасовых отношений.

– Вот его последнее письмо. – Мисс Вей протянула мне лист бумаги, всхлипнула, достала из сумочки платок. Я замер, понадеявшись, что сейчас она снимет очки, но китаянка не стала утирать поток несуществующих слез, а принялась судорожно комкать несчастный лоскут батиста.

В этот раз бумага была хуже, а кляксы – больше, причем они были расставлены на удивление ровными столбиками. Заглянув на обратную сторону листа и не обнаружив там ровным счетом ничего, я, наконец, вспомнил, что китайцы отличаются от нормальных людей не только разрезом глаз, но и хроническим неумением писать по-человечески.

– Мисс Вей, прошу простить, но... я не умею читать на китайском.

– О, извините.

Девушка отложила в сторону получившийся из платка комочек и забрала у меня письмо.

– Лин писал, что ему после долгих поисков удалось найти хорошую работу. Достойную его, как он здесь написал.

– Работу в Пограничье? – уточнил я.

– Нет, в Нью-Йорке.

– Но... тогда что вы делаете в Погребальнице?

– Ищу своего брата, – с легким удивлением отозвалась мисс Вей, – я же вам уже объяснила.

У меня возникло желание срочно проверить свой нос и низ спины – на предмет наличия отсутствия хвостика и пятачка.

– Наверное, я пропустил какой-то важный пункт ваших объяснений, – произнес я. – Ваш брат Лин... двоюродный брат... нашел хорошую работу в Нью-Йорке. Нью-Йорк, если я правильно помню, – это большой такой город и находится он в нескольких сотнях миль от нас, на берегу Атлантики. А вы ищете своего брата в Пограничье. Я правильно вас понял?

– Да, конечно, – подтвердила девушка.

Мне вдруг неудержимо захотелось хрюкнуть, но прежде чем я успел окончательно смириться со своей новой сущностью, мисс Вей добавила: – Лин поступил на службу к гномам-переселенцам.

Аллилуйя!

Приятно все-таки узнавать, что ты вовсе не такой уж идиот, каким время от времени кажешься самому себе. Можно даже счесть это поводом...

– Мак! – я развернулся к стойке. – Пива мне и даме... чего захочет.

«В очень разумных пределах», насмешливо добавил мной внутренний голос. Конечно, мисс Вей выглядела *приличной* девушкой, но кто знает, на какой сумме заканчивается это приличие?

Хавчик неторопливо снял с крюка глиняную кружку, сунул её под прилавок и почти сразу же вытащил, уже увенчанную пенной шляпкой.

– Если можно, – тихо и неуверенно сказала девушка, – я бы попросила чай. Мистер Ханко, не могли бы вы передать этому достопочтенному...

– Какой чай вам нужен? – рявкнул гном. Китайка вздрогнула.

– Не знаю... если у вас есть зеленый...

Мак тем временем уже вышел из-за стойки. В левой руке он тащил мое пиво, а в правой – нечто вроде большой и высокой шляпной коробки разноцветного картона.

– Вот!

Кружка «опустилась» на стол передо мной с такой силой, что её жидкое содержимое по всем законам науки физики, о которых нам толковал мистер Поттер, должно было улететь к потолку, прочие же черепки – разлететься по салуну. Однако кружка была гномья, людской физике не подчинялась, и потому все разрушения ограничились подпрыгнувшим столом.

Зато разноцветный сверток был водружен перед мисс Вей столь трепетно, словно таил в себе любимый чайный сервиз китайского императора.

Я почти угадал. Когда гном развернул все тридцать три – или чуть больше – оберточных слоя, нашим взорам предстал небольшой фарфоровый чайник на проволочной подставке, полдюжины коробочек, столько же метелок и десяток разнокалиберных чашечек. На мой взгляд, из самой большой могла бы утолить жажду мышь, а из самой маленькой – таракан.

– Не может быть, – удивленно выдохнула мисс Вей. – Ведь это... малый найморлендский набор для чайной церемонии. Откуда он здесь?

– О, мисс! – заулыбался Хавчик. – Если бы вы знали... если бы только могли представить, какое это для меня удовольствие – встретить настоящего знатока и ценителя благородного напитка.

То-то в КРУЖКЕ на стойке вчера и сегодня пиво улетучивалось со скоростью дюйм за гномский взгляд, ехидно подумал я. Похоже, чай у Хавчика проходил по разряду пороков – из тех, которым предаются раз в месяц, в новолуние, в надежно запертой изнутри комнате.

– Если пожелаете, мы с вами можем удалиться в одну из комнат, которую я в меру своих скромных сил постарался привести в должный вид, – продолжал гном. – Только не судите строго: источником вдохновения служили мне лишь три гравюры, да и те – людские.

Еще один чокнутый любитель... музыки, понял я. Интересно, кто от кого заразился – гoblin от гнома или наоборот? И не перекинется ли эта зараза на людей? Пока я не испытывал острой потребности в малевании картин, однако...

– Боюсь, ваше приглашение слишком... щедро для меня в нынешнем положении, достойный мистер...

– Хавчик, мисс. Мак Хавчик.

– ...малорослик из рода длиннородых. – Одновременно с гномом договорила китаянка. Ведь чайная церемония, это, как бы сказать... – мисс Вей запнулась, – особое таинство, а я сейчас не чувствую себя готовой к его совершению.

– Понимаю-понимаю, – удивительно, но Хавчик вовсе не выглядел расстроенным отказом. Похоже, что китаянка сумела дернуть за правильную нить в том хитро запутанном клубке писаных, неписаных, выбитых на скрижалях и выпарапанных гвоздем на штукатурке правил и обычаев, что заменяют коротышкам нормальный свод законов.

– Конечно, мистер Мак, если ваше предложение останется в силе...

– Оно будет в силе отныне и до тех пор, пока последняя гора не станет плоской равниной! – торжественно провозгласил Мак.

– ... то позднее я непременно воспользуюсь им. Пока же...

– Пока же, – вновь переходя на нормальный тон, перебил китаянку гном, – я прошу, нет, я категорически настаиваю, чтобы вы воспользовались этим чайным набором. Увы, полагающегося к нему богатства выбора я оказался не в силах обеспечить.

– Мистер Мак, – улыбнулась девушка. – Поверьте, я вполне отдаю себе отчет в том, сколько усилий вы приложили, чтобы заполучить каждую из этих чаинок. Здесь, в этой дикой и печальной местности, каждый листик можно сравнить со сбором двадцати кустов у подножья Фудзиямы.

– О да, – фыркнул гном. – Узнай местные золотоискатели его цену, они б забросили свои лотки куда подальше и срочно принялись бы высаживать чайные плантации. Правда, мне сложно представить, как могли бы называться здешние сорта.

– Это даже я могу представить, – быстро сказал я, воспользовавшись шансом вернуться в разговор. – «Орочья кровь» или, к примеру, «Троллинный помёт».

Судя по косому взгляду гнома, кусты с предложенными мной названиями вряд ли пользовались бы спросом на рынке. По крайней мере, на личном рынке некоего Мака Хавчика.

– Думаю, – нарушив затянувшуюся паузу, девушка протянула руку к одной из коробочек, – уместнее всего будет взять вот этот матча. А как вы полагаете, мистер Мак?

– Это мой любимый сорт, – прошептал Хавчик с такой интонацией, словно в коробочке находился лучший бриллиант его покойной прабабки. – Прошу вас, мисс... заваренный вами, он скрасит мне этот день... и месяц тоже.

– А вы, мистер Кейн?

– Спсб, мисс, у меня уже есть свой напиток, – пробубльнул я, зарываясь носом в пену.

Оба чайнопомешанных подарили мне взгляды, исполненные презрения напополам с жалостью, и снова вернулись к обсуждению тонкостей сворачивания, заварки, преимуществах весенних сборов перед всеми остальными, количестве листиков на почку и – почему-то – голландского принца. Минуты две я честно подслушивал, но без толку: говорят по-английски, а звучит, словно китайская тарабарщина. В итоге это занятие мне наскучило, и я занялся пивом, благо в отличие от узкоглазой травы его потребление никаких особых церемоний не требовало – налил и пей себе. Чем я и занялся, успев опустошить две трети кружки, пока парочка напротив священнодействовала над своими чашками.

Зрелище это, к слову, показалось мне смутно знакомым. Порывшись в памяти, я даже сумел выудить нужное воспоминание – колдующие над своими чашками с метелками Хавчик и мисс Вей выглядели точь-в-точь, как персонажи на рисунке из старой книжки, найденной Томом Сотбери на дне прапрапрадедушкиного сундука. Изображал рисунок «ведьму богопротивную и нелюдя подземного» соответственно. Далее в тексте повествовалось, как гнусный гнумс подсказал мерс-с-ской колдунье рецепт отравы, посредством которой был злодей-

ски сгублен то ли прекрасный принц, то ли без одной минуты святой епископ. Вроде бы так – гном был гнусный, а ведьма – мерзкой, с большим носом, горбом и скрюченными когтистыми пальцами. Впрочем, отправляясь во дворец к принцу-епископу, колдунья приняла облик прекрасной юной девицы – рисунок девицы также прилагался, но, на мой вкус, ведьма удалась художнику лучше. Да и вообще история из разряда «сам дурак» – если ты весь из себя такой неумолимый борец со Злом, то нечего пить чего попало из рук всяких посторонних красавиц. Особенно если за ними волочится черное помело.

Вспомнив об этой подробности, я не удержался и вновь заглянул под стол – но поблизости от мисс Вей не обнаружилось даже пары прутиков. Что, Впрочем, еще ни о чем не говорило – помело вполне могло быть оставлено, скажем, у коновязи.

– Прошу вас, мистер Мак...

Похоже, мистера Хавчика изрядно замучила жажда – получив, наконец, чашечку с готовым продуктом, гном не стал декламировать благодарственную речь минут на десять, ограничился всего лишь десятком слов, после чего чуть ли не вприпрыжку понесся куда-то в глубь салуна.

– Мистер Ханко, приношу извинения за...

– Все в порядке, – буркнул я. – В конце концов это же я собрался угостить вас.

Сказав это, я припомнил реплику гнома про золотоискателей – и вздрогнул, живо представив, как мой счет у Хавчика разом уходит в глубокий минус.

– Это было крайне любезно и щедро с вашей стороны, – прошептала китаянка, подтвердив мои худшие опасения.

– Угу.

Интересно, гном потребует деньги прямо сейчас или согласится подождать денек-другой? Хотя, что этот денек изменит?

– За счет заведения.

Хавчик, успевший уже куда-то задевать свою драгоценную чашку, вновь объявился около нашего стола – и вид у него при этом был такой, словно я все-таки украл бриллиант из бабкиной коллекции.

– Ч-что? – на всякий случай перепросил я, озадаченно глядя на выложенные гномом предметы. Больше всего эти штуки походили на длинные тонкие сигары, однако пахло чем-то мясным...

– Колбаски к твоему пиву. Рецепт которых, – с гордостью добавил гном, – был составлен моим двоюродным прадедом за два века до вашего Мозера Зеппа.

– А-а-а... спасибо, Мак, очень кстати, – пробормотал я, глядя на остаток – не больше четверти – упомянутого гномом пива. И, поскольку Хавчик не торопился уходить, я добавил свежеслушанную похвалу: – Это было крайне любезно и щедро с твоей стороны.

«Это» была не самая удачная мысль: слово «щедро» подействовало на гнома на манер троллиной дубинки. Он ссутулился, разом став на полфута короче, и побрел к стойке, шаркая сапогами по доскам пола. Даже одна его спина при этом выглядела несчастнее, чем дюжина попрошаек Луисвилла.

– Кажется, он чем-то расстроен, – сказала девушка.

– Чай слишком быстро кончился? – с невинным видом предположил я.

– Возможно, но...

– Мисс Вей, – перебил я китаянку, – давайте все же вернемся к *нашему* разговору. Мне хоть и весьма приятно ваше общество, но, увы, не могу себе позволить роскоши посвятить ему весь день. – Я взял одну из гномских колбасок, надкусил – вкусно! – и, подумав, добавил: – Кушать хочется.

– Вы же только что позавтракали? – удивленно заметила мисс Вей.

– Про «кушать» я выражался более общо, – начал объяснять я. – Ну, то есть фигурально.

По лицу девушки было четко видно, что я говорю не по-китайски... и вообще ни на одном из понятных ей языков.

– Короче говоря, имелось в виду, что мне нужно идти деньги зарабатывать.

– Но ведь я и предлагаю вам работу! – воскликнула китаянка.

– Э-э... да, верно, – смущенно признал я. – Но вы пока ничего не сказали про плату.

– Плата, да... – девушка вновь принялась за платок. – Мистер Ханко, я буду честна с вами: денег у меня сейчас нет, но...

– Всего хорошего, мисс Вей!

* * *

– Странная личность, верно?

Гном снова сумел подкрасться незаметно. Правда, в этот раз у меня было смягчающее обстоятельство – я был поглощен жеванием последней колбаски. Хотя и чертовски вкусная, она тем не менее навевала смутные мысли относительно даты изготовления. И своего изначального назначения – гвоздь не гвоздь, но подметки сапог были определенно мягче.

– В смысле?

– В ней течет китайская кровь, по меньшей мере, наполовину, – медленно произнес Хавчик. – Тут сомнения быть не может, я до войны жил во Фриско и навидался изрядно её сородичей. Но при этом она превосходно разбирается... в найтморлендской чайной церемонии. В разговоре упомянула кусты из-под Фудзиямы, а не из-под Дабешаня или Желтых гор и чай выбрала порошковый. Либо эта юная леди настолько великий мастер гунфу ча³, что знает все не только про китайские, но и про заморские чайные традиции, либо... – гном не договорил, принявшись поглаживать бороду. Ожесточенно, я бы добавил, поглаживать – после каждого движения вниз на полу прибавлялась пара-тройка волосков.

– Ты хочешь сказать... – я не договорил, надеясь, что Мак поддастся на провокацию и закончит все-таки свою мысль – поскольку мои собственные идеи сейчас пребывали где-то не ближе луны.

– Заметил, что юная леди не сняла шляпу?

– И очки, – поддакнул я.

– В таких гляделках пару лет назад здесь щеголяли даже орки. Кто не мог купить настоящие, брали обычные стекляшки, – Хавчик усмехнулся, – и коптили. А что плохо видно – так для орка лишний повод ввязаться в драку только радость. Кстати, – добавил он, – противосолнечные очки изобрели в Китае.

– Я думал, это сделали гномы.

– Мои сородичи больше склонны усовершенствовать чужое, чем придумывать свое.

– А к переселениям твои сородичи как, склонны?

– Все, что мисс Вей сказала про переселенцев, – правда! – Мак даже не стал делать вид, что не подслушивал наш разговор от первого до последнего слова.

– Они проезжали мимо больше года назад. – Гном выдернул очередной волосок и скривился. – Год и два месяца, – уточнил он. – Боковая ветвь рода, – дальше последовало непронизносимое гномское слово из сплошных согласных. – Хотели основать свой род, а если бы повезло, то и клан.

– И что же с ними случилось?

– У тебя проблемы с памятью? – осведомился Хавчик.

– Нет...

³ *Гунфу ча* (китайск.) – одна из китайских чайных традиций, дословно переводится как «высшее искусство чая». Дабешань и Желтые горы (Хуаншань) – горные массивы в Китае, на склонах которых находятся известнейшие чайные плантации.

Хоть я и не взялся бы сейчас точно вспомнить, чем именно занимался год и два месяца назад, но что ни про каких гномов-переселенцев при этом сын миссис Ханко знать не знал, слышать не слышал – это был, что называется, краеугольный факт.

– Я же сказал: все, что девушка рассказала про переселенцев – правда!

– А-а-а... стой, – опомнился я. – Она ведь сказала, что никто так и не знает, чего с ними приключилось.

– Правильно, – одобрительно кивнул Мак. – Именно это с ними и случилось.

Оглядевшись по сторонам, я, к своему величайшему сожалению, не обнаружил кого-нибудь подходящего моему сиюминутному настроению – а конкретно: федерального чиновника за письменным столом и плакатом с большой жирной надписью: «В гномоненавистники записывают ЗДЕСЬ!»

– А выяснить, что с ними приключилось, хоть кто-то пытался?

– Ну разумеется. Нарви Эйхайм, – в голосе гнома появилась какая-то тягучая напевность, – мешок золотых клялся вручить отважному, что тайну Сгинувших-в-горе раскроет.

– Мешок? – недоверчиво уточнил я. Данная мера объема у меня в голове как-то больше вязалась к зерну, муке или цементу.

– Ну, мешочек, – уже обычным тоном ответил Хавчик. – Шестьсот долларов на ваши деньги. Да и, кажется, – озадаченно добавил гном, – с тех пор он уже два раза повышал награду... или три?

– Случаем не потому, что бесследно исчезала очередная партия раскрывателей тайны?

– Нет, – и, прежде чем я успел обрадоваться, Мак остудил мой пыл, уточнив: – раскрыватели пропадали куда чаще.

– Полагаю, – заметил я, – слез по ним особо никто не лил.

В Запретных Землях и так не просто выжить, ну а чтобы сунуться в пещеры, где уже бесследно сгнуло несколько сот гномов – и нанятая ими охрана! – нужно было быть, на мой взгляд, совершенно исключительным бараном. Даже за шестьсот долларов... плюс два или три повышения. Хм, интересно, а сколько там будет в итоге-то?

– И сколько же награда сейчас? – как можно более безразличным тоном спросил я.

– Больше тысячи.

– Большие деньги...

– Не малые, – согласился Хавчик. – Но жизнь стоит дороже.

Это еще смотря чья жизнь, подумал я. За некоторых зеленошкурых, к примеру...

Тут я вспомнил, что вообще-то собирался спросить Хавчика, не видал ли он, куда скрылась одна жирная гоблячья туша, и уже даже начал открывать рот... но почему-то задал совсем другой вопрос.

– А по какому случаю с утра под окнами гремело как на 4 июля?

– Ты про стрельбу? Это Шарго в очередной раз, – гном усмехнулся, – решил испытать на прочность Адских Сестричек. Собрал почти всю свою банду... две дюжины головорезов против трех. А все равно, ставки были семнадцать к семи.

– То есть шериф не был фаворитом заезда?

– В очередной раз...

Хавчик достал потрепанный блокнот и толстый карандаш, сделанный, судя по нечетким следам зубов, из легендарного алмазного дерева. Как в детской считалке: бобер грыз-грыз, не догрыз, гном жевал, зубы сломал, а тролль пришел и в порошок растолок.

– Я веду записи, – пролистывая страницы, пояснил гном. – Вот... в прошлый раз Билли отделался двумя ранеными... правда, Гарри-плешь-проели все равно в итоге стал владельцем трех ярдов на погосте, но там больше заслуг нашего лекаря, чем пули. А сегодня... тэ-эк... чертов грифель... один убитый и пятеро раненых. Девочки были не в настроении шутить, да.

– Девочки?

– Ты не слышал об Адских Сестричках? – удивился Мак. – Ну и ну...

– Понимаю, – съязвил я, – в это сложно поверить, но не все здешние легенды являются заодно и общеамериканскими.

Гном, ни слова не говоря, прошел к стойке, выудил из-под нее пачку листов, перетасовал их на манер карточной колоды и сдал мне на стол три портрета. Все они были выполнены в одном стиле: дешевая бумага, черная краска, сверху надпись: «Разыскивается», затем лицо, ниже – суммы и в самом конце листа: «отпечатано типографией Н'гдала по заказу шерифа Погребальнца». Сказать что-либо про лица было сложно из-за отвратного качества печати, но количество нулей в нижней части впечатляло. А уж если просуммировать...

Затем я произвел еще один очень простой подсчет и понял, что, возможно, суммы не такие уж большие.

– Они что, вампирки? – озадаченно спросил я. – Или, может, охотники за вампирами?

– За вампирами они тоже охотятся, – сказал Хавчик. – А также за орками, троллями, драу, ну и, конечно же, людьми. Они, да будет известно тебе, лучшие охотницы за головами в этой части нашего долбаного Пограничья и при этом, – гном причмокнул, – настоящие высокопробные, как драконье золото, леди.

Должно быть, по моему лицу было хорошо видно, что в первую часть гномьей речи я поверил куда больше, чем в продолжение. Охотницы за головами – это да, лучшие в здешнем болоте – так и быть, поверю, но *леди*?!

– Да сам посмотри, – порывистым движением гном едва не насадил на мой нос один из портретов. – Линда Сальватано, их главарь. Разве она не первый сорт, а? Я точно знаю: она сказала «нет», когда молодой Сэм Ванхаген предлагал ей тысячу долларов за одну ночь!

– Точно-точно знаешь?

– Да, – вздохнул Мак. – Потому что я предлагал ей полторы и получил тот же самый ответ. Он меня разыгрывает, понял я, подшучивает над новичком. Думает, я до сих пор в сказки верю. Чтобы гном предложил человеческой женщине...

Тут я взгляделся в портрет внимательней и понял, что не все так уж просто.

– Эта Линда... она что, эльфийка?!

– Наполовину, – снова вздохнул Мак. – Темная полуэльфь.

– Матерь божья!

А вот уж теперь я поверил гному полностью, в каждое произнесенное им слово. И что банда из трех голов, возглавляемая этой дамочкой, может прорваться сквозь строй приспешников Шарго, оставив за собой тела и взорванные к оркам ворота. И в «нет» за предложение немислимых деньжищ за ночь. И во все остальное – заранее и крупным оптом. Потому что хуже темных эльфов только их полукровки бывают.

– Видел бы ты её целиком, – продолжал свои вздохи Мак. – Фигура, походка... м-м-м, а какой у неё пистолет...

Ну да, подумал я, кому что, а гному...

– ...воистину незабываемые ощущения, особенно когда она целится в тебя.

– Верю-верю, – пробормотал я, мысленно добавив: «ощущения не из тех, что хотелось бы изведать».

Хавчик, похоже, действительно был равнодушен к этой Сальватано. Его подробный и детальный, как водится у гномов, рассказ занял минут пять и был прерван лишь явлением очередных посетителей. Пьяного тролля – «Ведр-р-ро текилы!» – и чуть более трезвого человека – «И два виски, и-и-к!» – которого тролль использовал в качестве костыля. Вовремя – я уже начал подумывать о гряде трофеев в кладовке и заведении вдовы через два дома от салуна. Чертов коротышка был *очень* подробен в своем описании!

– На чем я остановился?

– На её талии.

- О-о-о... – гном свел пальцы, изобразив нечто, дюйма полтора в обхвате. – Талия...
- Бармен!!!
- Иду...
- А-а... оставь, это, пожалуйста. – Я ткнул пальцем в пачку розыскных листов.
- Думаешь подработать охотником за головами?
- Нет, но...
- Хавчик!!!!!!!!!!

– ...никогда не знаешь заранее, где удастся доллар-другой перехватить, – пробормотал я вслед гному и взялся за кружку.

Увы, стопка портретов разыскиваемых оказалась пустой породой. Приканчивая пиво, я бегло проглядел её и не обнаружил ровным счетом ничего интересного для себя. На подавляющем большинстве объявлений злобно скалились орочьи вожди, причем отличить одну клыкастую рожу от другой, по-моему, не взялись бы даже их собственные мамы. Возможно, гном нарочно составил свою коллекцию из нелюди, ограничив людское присутствие в ней лишь самыми известными личностями вроде Джесси Джеймса или Бена Уэйда, возможно, всех более легкодоступных персонажей переловили до меня. Как бы оно ни было, моим планам о покупке новой лошади этот расклад не благоприятствовал.

Пиво закончилось. Примерно с минуту я тоскливо разглядывал опустевшую посуду, затем туда свалилось какое-то насекомое – здоровенная жужжащая помесь мухи с пчелой. Поспешно отодвинув кружку, я махнул рукой Маку, вышел из салуна и остановился.

Снаружи, как и ожидалось, был жаркий солнечный день, а свежий – относительно салуна – воздух пах «лошадиными производными», как именует этот запах мой папаша. В смысле, мочой, потом и навозом. Еще через мгновение легкий ветерок добавил в эту гамму запах гнилой воды, из чего я сделал вывод, что пребывание полуэльфа сказалось на луже не лучшим образом – еще вчера *так* от неё не воняло.

Надо бы поскорее убраться из этого городишки. Здешняя атмосфера мне на нервы действует.

* * *

Если вы стоите посреди главной – и фактически единственной – улицы городка в Пограничье и вам нужно найти существо по имени Нарви, сделать это довольно просто.

Во-первых, вы можете глянуть, нет ли где поблизости ворот в Морию.

Во-вторых, вам стоит поискать вывески: «Салун», «Компания» и просто «Кузнец».

Поскольку ворот в подземные чертоги не наблюдалось, а из салуна я только что вышел, вариантов оставалось всего два. При этом вывеска, имеющая отдаленное сходство с наковальней, маячила сквозь пыльное марево в самом конце улицы, зато двухэтажный сарай «Юго-Западной Компании» располагался почти в три раза ближе.

Внутри на первый взгляд сходство с сараем также было в наличии – старым таким сараем, забитым всяким хламом, большую часть которого еще дедушка нынешнего хозяина отчаялся приспособить к какому-либо делу.

– Дверь закрой!

Голос доносился откуда-то издалека. Точнее – из-за лабиринта хомутов, седел и одеял.

– Если закрою, света будет мало! – возразил я седлам.

– А сейчас его много! – рявкнули хомуты так, что задрожала выставка разнокалиберных подков на стене справа от меня.

На мой взгляд, помещение испытывало сильнейшую светонехватку даже при распахнутых настежь дверях – окна здесь, как и подобает сараю, отсутствовали. Но вступать по этому

поводу в долгий спор как-то не тянуло. Кто их знает, эти конские принадлежности – вдруг в ответ на очередную фразу прилетит порция картечи?

Я закрыл дверь и, повернувшись, осведомился у темноты:

– Скажите, могу я здесь найти мистера Нарви Эйхайма?

– Это зависит от того, что ты ищешь, амиго!

Повертев эту фразу в голове почти минуту, я в итоге решил, что никакого глубинного смысла в ней быть не должно – просто у кого-то нелады с английским.

– Я ищу мистера Нарви Эйхайма!

– И что с того, амиго?

Раздавшийся следом звук в принципе мог быть извлечен множеством различных способов. Однако я предпочел – на всякий случай! – опознать его как щелчок взводимых курков двустолки. Ну и щелкнул в ответ.

– Ух ты?! – удивленно вздохнули хомуты. – Амиго, а у тебя, часом, не «Громовой Кот»?

– Допустим. И что с того, амиго?

Хомуты замолкли, видимо, что-то соображая. Я занялся тем же – прикинул местонахождение собеседника с точностью до фута плюс-минус пара ярдов, а также разглядел справа очень симпатичную бочку, за которой сын мамы Ханко мог бы укрыться, даже не особенно сгибаясь.

Затем непроглядный мрак впереди нарушился чем-то бледно-синеватым, вроде болотных огоньков. Не бог весть какое освещение, но по крайней мере теперь был виден проход между полками.

– Серьезная пушка, значит, серьезный клиент. Проходи, амиго, мистер Нарви сейчас поднимется.

Кое-как мне удалось протиснуться между товарными баррикадами, не вызвав при этом обвал мануфактуры на пару сотен. За рядами стеллажей обнаружился широкий и низкий прилавок, судя по бесчисленным зарубкам, уже успевший поработать у Союза Племен мишенью для томагавков.

За прилавком же – вернее, частично за, частично на прилавке – сидел мексиканский гном. Именно так – вместо традиционной бороды данный коротышка с гордостью выпячивал подбородок с козлиным или даже скорее козликовым огрызком. Рядом, прислоненное к стене, стояло черное с золотым сомбреро, по высоте дюймов на пять превосходившее своего владельца.

– До сих пор в нашей округе «максим» был только у одного гоблина, – доверительно сообщил мне гном. – Трофей от агентства Пинкертон... вместе с парой сотен долларов из сейфа банковского дилижанса.

– Он и сейчас единственный в вашей округе.

– А-а, так вы и есть тот ганфайтер, что в одиночку грохнул банду Кривоклыка?! Надо же, а по виду суший... то есть по виду-то и не скажешь.

– Лучше быть, чем казаться, верно, амиго?

– Слова, достойные гнома, мистер, ей-ей! – Гном разглядывал меня с откровенным восторгом. – А что у вас за дело к мистеру Нарви?

– Да так, ничего важного, – сказал я. – Хочу спросить кое-что про пропавших гномов-переселенцев.

Пока я плутал в полочно-товарном лабиринте, гном успел опустить курки своей двустолки – это-то его сейчас и спасло, потому как останься они на взводе, упущенный на полствол непременно бы отсалютовал своему хозяину залпом в упор.

– А-а ч-что ж-же в-вы...

– Этот вопрос буду задавать я!

Обычно такие голоса называют скрипучими, но по мне, ничего скрипучего в нем не было. Скорее – неприятно резкий. Знавал я одного такого говоруна – человечешка был под стать

голосу и своим, не сильно высокого пошиба, шуткам. Кончил он в итоге закономерно – не по делу повысил тон, потом сгоряча выхватил нож, ну а его противник в ответ выхватил револьвер.

Глава местного филиала «Юго-Западной» появился словно из-под земли. Конечно, применительно к гному эта фраза звучит дурачки, но по-другому и не скажешь: коротышка возник точно посреди пустого и вполне себе освещенного участка пола рядом с прилавком. Именно возник, а не вышел, выпрыгнул или свалился прямиком с луны.

– Прошу прощения, мистер Эйхайм, – поспешно забормотал продавец, – я просто подумал...

– Думаю, – перебил его Нарви, – здесь я и только я!

– Разумеется, сэр, я только...

Небрежно-короткий взмах руки заставил моего нового амиго заткнуться и резво нырнуть под прилавок. Судя по сдавленному вскрику и лязгу, под прилавком было что-то железное... а судя по быстро стихнувшему в отдалении перестуку, это «что-то» состояло в родстве с железной дорогой.

Мистер Нарви Эйхайм неторопливо прошествовал за прилавок, уселся на освободившийся стул и принялся разглядывать меня. В ответ я занялся тем же – с поправкой на боченок в роли стула. Не знаю, как гному, а мне было на что поглядеть – Нарви Эйхайм явно не относился к обычным подгорным карликам. Взять хотя бы одежду... тонкая белая рубашка с вычурными манжетами, кружевной э-э... галстук, заколотый брошью с голубым камнем. Приплюсуйте, что коротышка был не по-гномски худощав и чисто выбрит, и вы получите картину, чрезвычайно плохо упикивающуюся в привычный образ гнома.

Игра в погладелки затянулась минут на пять – затем, как я и ожидал, Нарви надоело подсчитывать слои дорожной пыли на моем плаще.

– Кто вы такой и что вам нужно?!

– Меня зовут Кейн Ханко, мистер... – я сделал паузу, надеясь, что гном догадается её заполнить. Нас ведь друг другу не представляли, а вслушиваться в бормотание продавца я не обязан.

– И что вам нужно?

Тон, которым был задан этот вопрос, был мало похож на дружеский. Пожалуй, попроси я сейчас у «Юго-Западной» пару фунтов уличной грязи, мне бы посоветовали обратиться в соседний филиал...

– Мистер Хавчик, – начал я, – сообщил, что вы назначили награду за информацию о пропавших гномах-переселенцах?

– Так и есть.

Фразу эту Нарви буквально выдавил из себя – словно за каждую произнесенную букву его штрафовали долларов на двадцать.

– В таком случае, я бы хотел узнать текущую сумму.

– Послушайте, вы... – Гном резко махнул руками, так, что в первый миг я едва не шарахнулся назад. Очень уж это движение походило на бросок чего-то метательно-протыкательного. Не далее как неделю назад, в Карсонсе, один полуорк при мне именно таким вот двойным взмахом вогнал в стену дюжину ножей – и все воткнулись ровной полосой, на уровне человеческой груди, примерно в футе друг от друга.

– ...мистер Кейн. Если вы действительно хотите знать, я изначально был против этой дурацкой идеи с переселением. И предупреждал об этом как свое прямое начальство, так и Совет Стар... директоров. Однако кое-кто предпочел не услышать мой голос, а потом! Потом, когда мои худшие прогнозы стали явью, ОНИ вдруг спохватились! Да... *теперь* ОНИ наконец-то решили озаботиться сбором информации, – процедил гном. – И награду велели назначить. Раньше-то им эти сведения и даром не были нужны!

Похоже, тема переселенцев была для мистера Эйхайма чем-то вроде больной мозоли. Стоило слегка задеть – и нате вам, «выкинул орифламму и пошел в крестовый поход», как говорил про такие случаи дядюшка Айвен.

– Разделяю ваше негодование по этому поводу, мистер, – примирительно сказал я. – А также сочувствую, соболезную и все такое прочее. Но все-таки, не могли бы вы озвучить нынешнюю цифру награды за сведения о пропавших гномах?

– Тысяча сто долларов! – буркнул Нарви. – Но, – тут же добавил он, – сразу говорю: мало шансов, что я сумею найти эту сумму наличными в любой момент. Господа в правлении могут полагать все, что им заблагорассудится, но текущая реальность такова, что в кассе нашего филиала редко скапливается больше двух-трех сотен.

Глядя на заваленный товаром склад, в это сложно было поверить. Разве что мистер Эйхайм каждый вечер в порядке моциона пробегает семь десятков миль до ближайшего банка.

– Хотите сказать, больше с вас не получить?

– Все, что я могу – это выписать чек от имени Компании, – мрачно сообщил гном. – А уж как вы будете обналичивать его, не мои проблемы.

Интересный выходит расклад, подумал я. С одной стороны, гномьи чеки обычно надежнее, чем банкноты федеральной казны. С другой же, «Юго-Западная Компания», как и большинство её «близнецов», хоть и кишит гномами не хуже, чем покойник – червяками, но при этом наверняка зарегистрирована как человеческая фирма. Коротышки довольно быстро усвоили, что набрать в штат полагающееся по закону число людей на должность людей обойдется им дешевле, чем платить все причитающиеся «расовые» налоги. А если проблемы с чеком формально человеческой фирмы никак не скажутся на репутации гномов, то к чему торопиться отдавать деньги?

– Разумеется, это будут *мои* проблемы, – легко согласился я и тут же заработал удивленно-подозрительный взгляд от гнома.

– И еще один, последний вопрос, мистер. Что вы сами думаете об этом, хм, прискорбном происшествии?

– Я уже все сказал! – Будь Нарви улиткой, он бы сейчас втянулся в панцирь по самые кончики рожек. – Их предупреждали... и не только я. Пограничье, чтоб вы знали, не самое лучшее место для жизни.

– Да, я тоже обратил на это внимание.

– И я в самом деле понятия не имею, что с ними произошло! – повысил тон гном. – Ни малейшего, клянусь вам, даже идей никаких нет! Все, что угодно с ними могло случиться, тысячи разных напастей. Они были всего лишь самоуверенными новичками, а такие в этих краях долго не живут. Приехали, словно беззаботные мотыльки, устроились...

Стоявший перед Нарви Эйхаймом самоуверенный новичок, только вчера едва не украсивший собой гоблинский вертел, от этой пылкой речи на какой-то момент смутился и даже попятился. Но когда первый порыв схлынул, я вдруг вспомнил рассказ китайки – а судя по нему, переселенцев сложно было бы причислить к самоуверенным новичкам. Скорее уж к очень осмотрительным, осторожным и совершенно по-гномьи основательно подготовленным ко всяким напастям.

Конечно, всего предусмотреть невозможно... но...

– Если вы закончили со своими вопросами, – между двумя последними словами гном сделал паузу, сравнительно небольшую, как раз, чтобы туда легло слово «дурацкими», – то мне остается лишь пожелать вам удачи... в вашем деле.

Вопросы у меня еще оставались, но вот желание их задавать как-то испарилось.

– Что ж, – сказал я. – В таком случае, до новой встречи, мистер. Надеюсь, до скорой.

– Очень сомневаюсь, что в ближайшее время мы сможем вновь повстречаться, мистер Кейн, – хмыкнул Нарви. – Разве что вы пожелаете разместить у нас крупный заказ. С мелкими делами обычно разбираются приказчики.

– А дело на тысячу сто долларов по вашей шкале мелкое или как?

– Дверь, – вытянув руку, коротышка повелительным жестом указал на проход между стеллажами, – там!

Глава 4

Выйдя на улицу, я прежде всего посмотрел на свою тень. Как ни странно, мой черный друг был на месте и даже не пытался намекнуть, что его хозяин – существо с копытами, скорпионьим хвостом и ростом добрых три ярда до кончиков рогов. Если поверить этой тени, я пока не был ни вампиром, ни демоном. Но в таком случае... орк меня проглотит без соли, чего же так испугался коротышка?

Судя по тени, время было чуть за десять – подходяще, чтобы вернуться в салун Мака, залить в себя чего-нибудь прохладительного, а может, и перекусить. В конце-то концов... последние две недели мое питание сложно было назвать сытным и регулярным, так что слегка отожраться могу себе позволить.

Я даже развернулся в сторону салуна, но почему-то ноги решили пронести меня мимо, а занятая тяжким процессом думанья голова не обратила на это внимание.

Занятно... Нарви, конечно, выглядит чертовски нетипичным гномом, но все же он гном, и для того, чтобы паренёк вроде меня сумел засечь его страх, это должен быть действительно СТРАХ, пробирающий коротышку от макушки до пяток. Не думаю, чтобы глава отделения «Компании» настолько боится всех, кто выше ростом. Или дело в вопросах, которые я задавал? Пропавшие гномы... с ними дело явно нечисто... впрочем, это и так даже самому тупому гоблину понятно. Загадочное исчезновение сразу нескольких сотен гномов – с охраной! – это перебор даже для Пограничья. Может быть, Нарви как-то замешан в этом? Запросто... но даже будь щеголь-коротышка замазан по уши, это не объясняет, с чего б ему трястись перед юнцом, которого прежде он никогда не видел.

Или все куда проще? К примеру, мистер Эйхайд болеет лихорадкой, вот его и трясло почем зря. И речи его, к слову, на горячечный бред очень похожи – ну слуханное ли дело, чтобы гном так вот плакался случайному человеку на свое коротышечье начальство?!

Я попытался восстановить в памяти лицо Нарви. Толку вышло немного – хина хиной, но даже будь коротышка желтее десяти китайцев, в гнилушечном освещении он все равно выглядел бледней вампира. Вот под солнце бы его вытащить...

На этом пункте мои вялые размышления закончились вместе с улицей – я дошел до ворот.

Точнее – до места, где они были еще вчера. Сейчас же на массивных петлях сиротливо болтались остатки рамы. Перекрытая же парой досок дыра в земле наглядно поясняла, почему ворота казались – да и были – настолько хлипкими: любого прорвавшегося сквозь них гостеприимно ждала яма-ловушка солидной глубины. Верно, мне ведь еще вчера почудилось, что земля у них тут необычно гулкая. Хитро придумано, ничего не скажешь.

Я оглянулся назад и решил, что у тех, кто пройдет яму по спинам и головам заполнивших её неудачников, поводов для радости тоже будет не много. Фасады домов выстроились почти вплотную друг к другу, а узкие проулки в случае чего наверняка перекрываются в два счета. Да, пожалуй, название у городка подходящее – по крайней мере, с точки зрения всяких орков, Погребальнец должен был выглядеть местом, куда сравнительно легко войти, но потом очень сложно выбраться... живыми.

– Хочешь покинуть город?

Только сейчас я, наконец, заметил часового, до этого момента почти неразличимого в густо-черной, как душа ростовщика, тени. Маленького роста, худой, со впалыми щеками, он был похож на мумию вчерашнего здоровяка-южанина. Очень усохший вариант человека.

– Нет.

– Т'гда хр'нгли т'рчишь перед вор'тами?

Он произнес это быстро, вдобавок проглатывая часть гласных.

– Я просто прогуливаюсь.

Часовой перегнулся через парапет. Нас разделяли ярда три, не больше, и теперь я мог разглядеть его лицо. Занятно... сдвинутый к затылку котелок выглядел изрядно выгоревшим на солнце, а вот его хозяин щеголял бледно-зеленоватым оттенком кожи, тут и там нарушаемым алыми пятнами.

– Вали пр'чь, живо.

Я посмотрел направо, затем налево, но ничего похожего на лестницу так и не увидел. Похоже, это было еще одной здешней хитростью – даже прорвавшись за стену, осаждавший не решал своих проблем. Сейчас же и для меня этот факт значил, что подняться наверх и объяснить часовому некоторые правила общения будет непросто.

– Ну!

Его винтовка по-прежнему тускло поблескивала в тени под башней, но вот правый карман песочно-желтого кургузого сюртука вдруг словно бы сам по себе начал оттопыриваться.

Ход был за мной и особых вариантов я не видел. Пиф-паф, и победителю придется иметь дело с шерифом, а мистер Шарго навряд ли пребывает в хорошем расположении духа.

– Спокойно, спокойно. – На всякий случай я поднял руки, демонстрируя пустые ладони. – Уже ухожу.

В ответ мне продемонстрировали кривую ухмылку – зрелище, из которого следовало, что зубы мистера «щас укусит» явно нуждались в подравнении. Я бы охотно провел эту операцию при помощи, скажем, рукоятки «Громого Кота», но, увы...

– Один вопрос напоследок, мистер? Гоблин тут не пробегал?

– Твой р'дственнич'к, штоль?

– Нет, мои три доллара.

Часовой задумался, ненадолго – видно было, что это занятие ему чуждо и неприятно, – а затем вернул нашу беседу в накатанную колею.

– Вали пр'чь.

– Спасибо.

Возвращаясь к салуну, я подумал, что в какой-то мере ответ все-таки получил. Если типус у ворот даже на людей лает не хуже цепной собаки, Толстяка он, скорее всего, просто бы пристрелил на месте. Конечно, факт, что гобл не проходил через ворота, вовсе не означал, будто Толстяк по-прежнему находился в городе, но... скажем так, шансы на это повышались.

* * *

– Это был Прыщавый Зомби, – сказал Хавчик.

– Ы? – удивленно прочавкал я. – Вроде ж от него не воняло.

– Потому что ублюдок еще жив. Местами.

– Ы?

– Мозги у него, по всему видать, давно разложились и сгнили за ненадобностью, – пояснил свою мысль гном. – В итоге получился законченный психопат и шулер. Если тебе случится оказаться с ним за одним столом, учти: в левом рукаве ублюдка механизм, подающий в ладонь карты или дерринджер. – Мак вздохнул: – Гному, который сделал для него эту штуку, Прыщавый не заплатил ни цента и вдобавок избил до полусмерти.

– Печальная история, – пробормотал я, благоразумно не став озвучивать дальнейшие свои мысли: что мастер, выполнивший подобную работу для столь явного мерзавца, на мой взгляд, вполне заслуживал хорошей взбучки. Ну а что получил он её от самого заказчика, свидетельствует – иной раз даже небесная справедливость не дремлет. И с чувством юмора у неё тоже все в порядке.

– Странно, что его до сих пор не убили.

Хавчик пожал плечами.

– Мозгов у него нет, но чутье на неприятности осталось.

– Хм...

От меня, выходит, Прыщавый неприятности не почуял. Что ж, в этот раз он, может, и был прав, но если судьба вновь сведет нас в темном переулке...

– Вдобавок, он один из любимых псов нашего шерифа. Кстати, как тебе суп?

– О, ошень-ошень вкусно, – булькнул я, заглатывая очередную ложку.

Гном как-то странно покосился на меня... так, что я едва не сплюнул обратно в тарелку все, что было во рту – но ведь суп действительно был вкуснейший.

– Рад, что тебе нравится.

– Угу. И, Мак, я хотел спросить, не видел...

– Эй-парень, куда ты провалился?! Я тебя с утра по всему городу ищу!

Когда тебе во время ленча прямо в ухо начинает орать клыкастая зеленошкурная сволочь – это неприятно. Если же чертов гоблин сопровождает вышеуказанный рев «дружеским» ударом по хребту – это неприятно вдвойне, нет, впятерне!

– Кха-тьфу-кха... Толстяк!

– О, ты не забыл мое имя! – восхитился гобл. – Просто удивительно долгая память для человека.

Он заглянул в мою почти опустевшую тарелку, пошевелил ноздрями, фыркнул и радостно заорал: «Хавчик! Мне тоже мышинного супа!»

– Мышиного супа?!

– А ты что, – изумился гоблин, – заказывал, не глядя в меню?

Мотнув головой, я устоял на стол, ясно чувствуя, как желудок решает – вывернуться ли ему наизнанку прямо сейчас или подождать еще немного. Судя по подступающему к горлу комку, пока на выборах лидировал первый вариант.

– Мак!!! Мак Хавчик!!!

– Я занят, – донеслось из-за двери на кухню, – имейте смирение.

– Что-о-о? Да я сейчас тебя...

– Не стоит. – Гобл плюхнулся на соседний табурет. – Видал я его кухню... на четвереньки встанешь и все равно будешь макушкой полки считать. Дождись, – Толстяк перешел на заговорщицкий шепот, – пока он выйдет и вынесет мой заказ, а потом сразу бей столом по лбу. Только не нашим столом, соседним.

Я покосился на соседний стол. Выглядел он ничуть не менее массивно, чем наш, да и все прочие столы в салуне – цельновырубленные из секвойи э-э... чурбан с выемками для ног. Причем из секвойи, посаженной лично Ноем на следующий день после окончания потопа. Возможно, поднагужившись, я и сумел бы его приподнять... дюйма на полтора... с одного края. То ли дело табурет...

– Даже не думай, – гоблин, похоже, перехватил мой взгляд, – этим ты ему и шишки толковой не оставишь.

– А тобой?

– Моя сильная, – гобл схватил мою тарелку, одним движением вылил в пасть остатки супа, громко рыгнул и закончил, – но мягкая.

Для наглядности он ткнул себя в пузо – кулак погрузился едва не по запястье.

– Тебе пора садиться на диету, – мрачно сказал я.

– Диету? – удивленно переспросил Толстяк. – Странная кличка для лошади, хотя если ты решил сделать мне подарок, я буду безмерно рад...

– ...заткнуться и дать мне подумать!

«Суп был вкусный, суп был вкусный, суп был вкусный...» Я твердил про себя эту фразу, словно адепт-недоучка. Он был вкусный, орк меня сожри без соли, а из чего клятый коротышка

его сварил – дело десятое. Французы вон, говорят, вообще жаб лопают почем зря, а уж орки с гоблинами...

Я припомнил утренние разглагольствования Толстяка, и мне неожиданно стало легче. Не в смысле «совсем перестало тошнить», но желудок осознал, что мыши – далеко не самый худший мясной продукт из числа употребляемых в Запретных Землях.

Впрочем, желание убраться куда-нибудь подальше от Хавчика с его стряпней при этом только увеличилось. Конечно, меню салуна «Мои седельные сумки» состоит всего из двух блюд: «бобы с беконом» и «бекон с бобами», но зато про эту простую честную жратву не узнаешь всяких неожиданных новостей.

– Толстяк, где тут можно лошадь купить?

– Тут? – гoblin с очень удивленным видом огляделся по сторонам, вздохнул и с очень опечаленным видом сообщил: – Нигде. Мак не торгует лошадьми.

Я скрипнул зубами. В принципе ответ был как раз тем, которого и следовало ждать от гоблина... **НО НЕ ОТ ЭТОГО КОНКРЕТНОГО ГОБЛИНА!**

– Толстяк... – хоть у меня и не было таких шикарных клыков, я постарался, чтобы улыбка выглядела *очень*... плотоядно, – говоря «тут», я имел в виду не салун мистера Хавчика, но нечто большее, так сказать, более общее. А именно – **ВЕСЬ ПОГРЕБАЛЬНЕЦ!**

– Ну так бы сразу и сказал, – ничуть не смутившись, хмыкнул гobl. – Орать-то зачем?

Вздохнув, я посмотрел на потолок. Доски, как и следовало ждать, были непрозрачные, но не будь их и сто против одного, я бы разглядел сияющий нимб, а под ним – гнусно ухмыляющуюся физиономию того крылатого негодяя, что авансом ниспослал за грехи мою рассеившуюся рядом зеленошкурую скотину. Ну ничего... вот избавлюсь от клятого гобла и буду сквернословить, пить, играть в карты и развратничать лет пять напролет... глядишь, к шестому году и сравняю счет.

– Ну-у-у?

– Ы?

– Где в этом м-м-м... милом городе можно купить лошадь?

– Сложный вопрос, – вздохнул Толстяк. – Надо подумать.

– Подумай, – благостно изрек я. – Хорошо подумай. А я подожду. И суп тоже подождет, верно, Мак?

– Эй, какого еще...

– Он платит, – выбравшийся из недр кухни Хавчик аккуратно водрузил дымящуюся миску на край стойки, – он и решает, чего и когда ты будешь жрать.

Гobl совершенно человеческим жестом взялся за подбородок, раздул ноздри, наморщил шкуру на лбу и принялся злобно таращиться на меня, бормоча при этом что-то ну очень похожее на проклятье. Шаман, однако, из него был никудышный – любоваться потолком, насвистывая при этом «Диксиленд», его проклятье мне ничуть не мешало. Разве что фальшивил я чуть больше обычного.

– На конюшне.

– Чего-чего?

– Коняку можно купить у Майка Рэдхока, что держит конюшню в конце улицы, – выдавил гoblin. – С желтой крышей, там еще вывеска...

– Можешь обойтись без подробностей. Просто подними свой зад и отведи меня туда. Сейчас же.

– Эй-парень, а мой суп?

– Он все равно еще горячий, – заметил я, вставая и берясь за шляпу. – А улица короткая. Так что ты обернешься быстро, Толстяк... если, конечно, не окажется, что ты мне соврал.

Идея взять гоблина с собой была хороша, даже, можно сказать, великолепна. Я допустил только лишь единственную промашку, первым подойдя к выходу из салуна. Распахнул

дверь, замер на миг – после царившего внутри салуна полумрака солнечный свет казался почти нестерпимым. Я едва смог различить рельефно-черный контур дома напротив – ломаную уступчатость крыши, вытянутый прямоугольник трубы и второй, более короткий, чуть правее. А в следующее мгновение в мой зад с маху впечаталось копыто бешеного мустанга и я гордой птицей кондором – в смысле, раскинув руки-крылья и хрипло крича – воспарил над крыльцом, пролетел добрых шесть футов и приземлился, точнее, приводнился точно посредине лужи.

– Твою мать!

Это было... *все*. Нет, не так – ВСЕ! Запах, как оказалось, не передавал и десятой доли вкуса этой... тоже жидкости. Полный рот, а хватило бы одной капли – последней. Сейчас прольется чья-то кровь...

Кое-как проморгавшись, я рывком выдернул из жижи верхнюю половину туловища, поднял револьвер, навел его на дверь салуна – и почувствовал, как сердце со свистом проваливается куда-то в подметки.

Потому что на двери, примерно в четырех футах от пола, весело скалилась каймой щепок здоровенная дыра от пули.

КОГДА Я ОТКРЫВАЛ ДВЕРЬ, ЭТОЙ ДЫРЫ ТАМ ЕЩЕ НЕ БЫЛО!

Пока мозг, пытаясь от натуги, пытался осознать этот факт, инстинкты повели себя куда разумней, заставив тело кувырнуться набок. Мигом позже рядом со мной взметнулся небольшой грязевый гейзер.

– Мать-мать-мать...

Теперь я хотя бы увидел стрелка – почти черный силуэт на границе крыши и ослепительно-белого сияния небес. Присев на колени, тот заталкивал в ружье очередной патрон. Успеть выбраться из лужи не выйдет никак, понял я и, вытянув руку, принялся жать на спуск. Бах-бах-бах-бах!

Нас разделяло не так уж много – дома, из старого папулиного «ремингтона» я и на вдвое большей дистанции укладывал в жестянку из-под кофе пять пуль из шести. Но банка кофе не занимала выгодной позиции на фоне солнца и уж тем более не собиралась палить в ответ – вдобавок, ствол револьвера выделял такие восьмерки, что и попадание в дом сошло за изрядное достижение.

Ружье упало почти беззвучно, взметнув небольшое облако белой пыли. Следом, золотисто блеснув, шлепнулся цилиндрок патрона. Стрелок, хватаясь за правое плечо, встал с колена... качнулся... потащил из кобуры револьвер... снова покачнулся и, уже падая боком вперед, выстрелил – вдоль улицы.

– С-сучье...

Упал он плохо – даже я в своей луже услышал отчетливый хруст костей. Но упряму ему, видно, было не занимать – хрипя, он приподнялся... и приподнял револьвер.

Времени выдираться из лужи у меня не оставалось. Вместо этого я встал на колени, держа «максим» обеими руками, взвел курок и выпустил последнюю пятую пулю, целясь чуть ниже встречной рыжей вспышки.

Мгновением позже меня резко дернули за правый бок. Покосившись вниз, я увидел дыру в плаще. Мой же выстрел заставил стрелка откинуться назад – и больше он уже не шевелился.

– Эй-парень...

– Только не говори... – не сводя глаз со стрелка, прошептал я, – что ты...

– Что я «что»? – осведомился гобл минуты две спустя, так и не дождавшись окончания фразы.

– Что ты знал про стрелка.

– Хы! – фыркнул Толстяк. – Умей я откалывать эдакое, сидел бы сейчас в шатре шамана и жрал в два горла пеммикан, запивая спотыкаловкой в четыре. Ну, и, понятное дело, с парой-тройкой аппетитных таких... – лапы гоблина очертили в воздухе нечто вроде мешка с мукой.

Только сейчас я заметил, что пытаюсь перезарядить револьвер. Без участия головы это получалось неважно – руки помнили, куда нужно вставлять новый патрон, однако напрочь забыли о необходимости сначала выбить стреляную гильзу.

А еще я осознал, что по-прежнему сижу посреди лужи, с ног до головы перемазанный вонючей жижей – и меня это ничуть не беспокоит. Потому что быть мокрым, грязным живым, оказывается, куда приятнее, чем сухим и сравнительно чистым покойником.

– ...и, эй-парень, вообще я даже не думал, но когда ты распахнул дверь и замер, твой зад выглядел так заманчиво, что я просто не смог удержаться.

– Спасибо, Толстяк.

– Что?! А, нет проблем, эй-парень. Кстати, вот, возьми – твоя шляпа. Ей, можно сказать, повезло, слетела еще у самой двери.

– Ты не понял, Толстяк, – медленно произнес я. – Спасибо, что только пнул.

– Ну, знаешь... – удивительно, но гобл вдруг стал выглядеть... смущенным, что ли?

– ...не все слухи, что ходят про нас, правдивы. Вот орки, те да, вечно озабоченные на это дело, а мы, гоблины, все-таки поразборчивей будем. Был бы ты женщиной... или козой... ну, в крайнем случае, эльфом...

– Ванну принимаешь?

Голос шерифа звучал почти участливо – что, впрочем, плохо вязалось как с выражением его лица, так и с лицами троих «серебряных звезд» за его спиной. Служитель и прислужники закона выглядели так, словно моя перестрелка выдернула их из-за карточного столика, причем на руках у каждого в этот момент был королевский флеш, не меньше.

– Билли, его только что грохнуть пытались, – ответил вместо меня гоблин.

– Вижу.

Судя по разом изменившемуся тону, увиденное явно не доставляло мистеру Шарго удовольствия. Под тяжелым взглядом шерифа стайка зевак, начавшая было собираться вокруг покойника, резко уменьшилась в числе с дюжины до трех: хозяина салуна, здоровенного громилы – кажется, именно за его спиной мы вчера сидели – и рыжего мальчишки лет десяти.

– Мистер Хавчик, что вы скажете?

– Все так и было, шериф.

На мой взгляд, этот ответ, мягко говоря, не блистал полнотой по части любимых шерифом подробностей, но, как ни странно, Шарго счел его удовлетворительным.

– Док, – обратился он к одному из своих подручных. – Прочтите-ка нам лекцию.

На мой взгляд, докторским в этом типе была разве что позолоченная дужка очков – без всяких признаков стекол. В остальном же перекрещенная патронными лентами небритая личность не тянула даже на учителя воскресной школы. Скорее уж он походил на пациента – бледность кожи и нездоровый блеск глаз наводили на мысль о чахотке... или недавно перекусившем вампире.

– С удовольствием, шериф, – кивнул Док, вручил соседу справа дробовик, не забыв украсить его шляпой, и, подойдя к телу, присел на корточки.

– Тэк-с, и что мы тут имеем?

– Трупак? – предположил верзила.

– Мясо? – выдвинул свою версию гоблин.

– Интересная версия, – хмыкнул Док. – А что скажет наш герой?

Я тем временем закончил перезаряжать «Громого Кота» и выбрался наконец из лужи. Шериф с подручными дружно расступились, пропуская меня к телу – то ли опасаясь револь-

вера, который я по-прежнему держал в руке, то ли боясь, что стекающие с меня... субстанции могут попасть и на них.

– Знаком? – Док осторожно приподнял голову покойника, разворачивая его лицом в мою сторону.

– Впервые вижу.

Это была чистая правда. За последние недели я перевидал множество народу, но этого человека наверняка бы запомнил – больно уж приметно ветвился по его правой щеке рубец.

– Бывает, – ничуть не удивившись моему ответу, Док опустил голову назад и накрыл лицо мертвеца откатившейся в сторону шапкой. – Я, знаете ли, тоже не могу похвастать прижизненным знакомством с этим джентльменом, и неудивительно. Взгляните только на его куртку!

– Работа черных орков, – сказал Толстяк. – Клык даю, только у них так дубят и выделяют.

– Ценная информация, – с кислым видом отозвался Док, – но я хотел несколько другого. Куртка эта, как вы можете видеть, сделана из толстой кожи, каковая особенность делает её не совсем подходящей для здешнего климата. Прибавьте к этому меховую шапку, и вы получите...

– Охотника на бизонов, это и последнему троллю понятно, – раздраженно бросил Мак. – Кем еще может быть идиот, палящий из «шарпса» даже там, где до цели меньше двух дюжин шагов.

– Точняк, – поддержал гнома один из помощников шерифа. – Нож, что у него на поясе – шкуры снимать, я три сезона подряд таким же орудовал.

– Ну-ка-с, а что у нас тут? – Док, быстро шевеля пальцами, провел рукой вдоль тела – и неожиданно в этой руке, словно сам по себе, появился небольшой мешочек. – Ух ты. Кисет... кха-кха-кха, с бисерной вышивкой, заметим... а в нем.

– Золото!

– И действительно – золото! – подтвердил Док. – Причем не просто золото, а калифорнийские доллары. Семь... десять монет, то есть двадцать пять долларов. Смотрите, как блещут, а, – добавил он, пересыпая монеты с ладони на ладонь. – Золото, сладкое золото...

– Слишком хорошо блещут, – хмуро заметил Хавчик, – для монет, которые чеканились еще до войны. Дай-ка одну на пробу.

Заполучив требуемое, гном с очень задумчивым видом прокрутил монету между пальцев, поскреб ногтем, попробовал на зуб и, довольно хмыкнув, отдал обратно.

– Так и есть, фальшивка. Беднягу надули минимум на четверть.

– Пытаться обмануть наемного убийцу, – Док цокнул языком, – не самая лучшая идея.

– Нанимать убийцу, который проваливает дело, – прорычал Шарго, – еще более дурная идея! Дьявол... не могу поверить... в *моем* городе – и такое!

Смотрел он при этом на меня, и достаточно злобно, чтобы мне очень захотелось куда-нибудь исчезнуть.

– Шериф, клянусь, я понятия не имею, с чего этот человек захотел меня ухлопать! Ей-ей, сам бы очень желал это узнать, а то ведь теперь и на улице стоять неуютно.

– Да и рядом с тобой тоже не очень... – Помощник не договорил, потому что Шарго стремительно развернулся к нему.

– Сэм, – почти ласково произнес он, – будь добр, скажи что-нибудь по делу или...

Судя по бледности помощника, дело после «или» явно было посерьезней, чем обычное: «заткни свою вонючую пасть!».

– Ну-у, – запинаясь, начал он, – я так думаю, что стрелок запросто мог и обознаться. В таких вот фермерских шляпах, – Сэм ткнул пальцем в мой «стетсон», – цвета дорожной пыли здесь каждый третий ходит.

– Подслеповатый охотник на бизонов? – недоверчиво хмыкнул шериф. – Я скорее поверю в белого дракона.

– А может, он как раз потому и забросил охоту, – возразил Сэм. – Иначе с чего бы ему тут околачиваться? Я слышал, в этом сезоне правительство снова дало эти... как их... суп... суб...

– Субсидии, – подсказал Толстяк. – Они этим уж который год занимаются. Думают, что перебив бизонов, смогут лишить Союз Племен кормовой базы.

– И как, получается? – с интересом спросил Мак.

– Как посмотреть... – гоблин зевнул. – Бизон, это, конечно, много мяса и хорошая шкура, но с другой стороны, охотник на бизонов – это порох, пули и хорошее ружье, а если повезет, еще и много мяса и шкур. Так что, я бы сказал, веселье пока идет с переменным успехом.

– Зеленый, – процедил Шарго, – я не давал тебе слова.

– Билли, – гобл с наигранным ужасом вскинул лапы и отступил на шаг, – прости-прости, дальше я буду нем как могила.

Навряд ли шериф ему поверил, но, похоже, сейчас голову мистера Шарго занимали другие проблемы. Он обошел покойника по кругу, встал рядом с Доком – тот поспешно вручил ему золотые – попробовал, по примеру гнома, одну из монет на зуб и скривился.

– Мне это не нравится.

Гоблин за моей спиной издал что-то вроде сдавленного кашля. Как следствие, я заработал очередной исполненный подозрения взгляд.

– Ты появился здесь вчера вечером, верно?

– Именно так, шериф, – подтвердил я. – Вы ж сами...

– Повздорить с кем-нибудь успел?

– Только с его бандой, – кивнул я в сторону гобла, живо сообразив, что рассказывать про сегодняшнюю беседу с Прыщавым Зомби сейчас не самое подходящее время.

– И все?

– Да.

Шарго, похоже, решил превзойти гнома по части монетознания – он по очереди брал доллары и старательно принимался к ним, сопя при этом на манер рассерженного дикобраза.

– Зеленый, – фы-фы, – у Кривоклыка, – фы-фы, – остались друзья, – фы-фы, – в этих местах?

– Друзей у Кривоклыка отродясь не водилось, – отозвался гоблин. – А приятели его за двадцать пять долларов, даже на четверть фальшивых, сами бы кого хош голыми лапами удавили.

– И то верно, – согласился шериф. Он донюхал последнюю монету и почему-то выражение лица у него стало глубоко задумчивым – точь-в-точь как у таксы миссис Пибоди, когда хозяйка заходила с ней в аптеку.

– Мистер Хавчик... и все остальные – кто из вас видел этого человека раньше, при жизни?

– Вроде я видал его позавчера, – неуверенно произнес третий, молчавший до сих пор помощник шерифа. – Шапка эта меховая... приметная, помню, я еще удивился, как у него мозги не спеклись.

– Ко мне в салун этот человек не заходил, – твердо сказал гном. – Ручаюсь за последние пять, нет семь...

– Дней? – уточнил Сэм и тут же заработал целых три презрительных взгляда – от гнома, гоблина и своего начальства.

– Лет!

– А раз он остановился не у Хавчика, – Док обошел мертвеца и, присев, начал стягивать с него левый сапог, – и не у вдовы Мунро, где мы б его точно хоть раз, да видели б, по всему выходит, жил он либо у старой троллихи, либо у Заксенхаузера, если был знаком с ним раньше.

– Сэм, Лесли, проверить обоих, – приказал Шарго. – Док...

– Я, с вашего позволения, – Док, наклонив голову, коснулся пальцем кончика носа, – еще раз обыщу тело.

– И позаботишься о нём. В конце концов, – шериф неожиданно заулыбался, – за двадцать пять долларов у нас можно заказать первоклассные похороны?

Лично я уже некоторое время назад расстался с надеждой, что в мой карман перекачует хотя бы часть наследства стрелка. Но, как оказалось, надежда эта умерла не у всех.

– Что-о? Билли, да за двадцать пять золотых можно похоронить весь этот вшивый городишко?!

– Весь? – повторил шериф. – Нет, здесь ты, пожалуй, не прав. Мы можем разве что похоронить двух по цене одного. Хочешь испытать эту скидку на себе, а, зеленый?

Билли Шарго не выхватил при этих словах револьвер, он даже не потянулся к рукояти, все еще продолжая улыбаться. Но что-то изменилось в его лице, и это «что-то» вполне четко намекнуло мне – хотя «Громовой Кот» по-прежнему в руке, шансов опередить шерифа нет и в помине.

Потому что Билли Шарго почему-то ждал именно моего хода в этой игре «на двоих с вылетом». словно мы с ним одни стояли сейчас на длинной пыльной улице, друг против друга и дома вдруг потеряли цвет, став однообразно-серыми, мир лишился звуков, обретая взамен оглушительную тишину, воздух стал тягучим и плотным, как патока, и ледяной, словно прямиком из ада, ветер закрутил столбы пыльных смерчей...

Это длилось пару секунд, не больше – словно тень от пробежавшего по солнечному диску облачка. Затем наваждение пропало.

– Вижу, что не хочешь, – шериф то ли подмигнул гоблину, то ли просто дернул щекой. – Ну и ладно. Вот будешь подышать где-нибудь в пустыне, под крики стервятников... или в котле у своих сородичей – тогда и пожалеешь, что не принял мое щедрое, ха-ха, предложение.

– Ыгы, щедрости в тебе, Билли, хоть ведрами черпай, – угрюмо пробурчал Толстяк – Аж лопаешься по шву.

– Истинно так, – кивнул шериф. – А в доказательство, – Шарго вновь оглянулся на труп, – позволю вам взять... скажем, ружье и шапку.

Лично я предпочел бы сапоги – опыт с прошлыми ботинками внушил мне мысль, что хорошая запасная обувь весьма нужная часть снаряжения путешественника. Но сапоги покойника уже с нежностью, словно долгожданного первенца, баюкал на груди Док.

– Просто неслыханное мотовство, – фыркнул гobl. – Нам осталось только дойти до ближайшего музея, скинуть им этот антиквариат как бесценную реликвию времен вашей драчки за независимость и на выручку год пить не просыхая.

– Знаешь, Толстяк, – после минутной паузы сказал Шарго, – когда из тебя начинают сыпаться подобные словечки, мне очень хочется содрать эту зеленую шкуру – просто, чтобы убедиться, что под ней не хохочет какой-нибудь хитрозадый дарко.

– Ы-ы-ы, нет, – закрутил башкой гobl. – Я могу доказать свою натуральность куда проще.

– Как же.

– Дыхнув на тебя. Хочешь? Я не полной грудью дыхну, с копыт не брякнешься.

На мой взгляд, Толстяк преувеличивал убойные возможности своего выдоха. Да и вообще, по части воня я мог сейчас дать ему изрядную фору – проклятая жижа и не думала стекать, наоборот, она понемногу начала подсыхать на солнце. Не будь рядом трупа, я бы давно стал пиршеством для мух – впрочем, судя по назойливому жужжанию, даже при наличии покойника в кровавой луже многие мухи далеко не сразу определялись с выбором обеда.

– Не стоит, зеленый, не стоит....

* * *

Гримаса уныния и глубочайшего разочарования пропала с морды гоблина в тот самый миг, когда за последним слугой закона хлопнула дверь борделя. Взамен чертов нелюдь начал скалиться так, словно его только что выбрали сенатором.

– Эй-парень, а нам здорово повезло.

– Да, – безучастно подтвердил я. – Особенно мне.

– Брось... – наклонившись, Толстяк поднял патронный пояс, из-за порванного ремня свалившийся с покойника и по этой же причине оставленный Доком на месте происшествия.

– ...ну, подумаешь, стрельнули в тебя разок-другой. Здесь, в Пограничье, это дело совершенно житейское. В меня вот вчера стреляли... ты же и стрелял.

– В Кривоклыка, – возразил я.

– Ыгы, а значит, почти в меня... стоял-то я рядом с ним.

Спорить с гоблином у меня сейчас не было ни сил, ни желания. Поэтому я молча развернулся и потащился обратно к салуну Мака. Открыл дверь... пополз до стойки... взгромоздился на стул и хрипло прошептал: – Рому мне, рому!

– Есть черный кубинский, – гном искоса глянул на подвесную полку. – Еще неплох мексиканский и золотой из республики Псов Господних. Но я советую тебе...

– Самый крепкий! – выпалил я.

– ...подняться наверх, – невозмутимо продолжил гном, – и окунуться в бадью с горячей водой. Одежду можешь оставить за дверью – я отдам её прачке.

Я открыл рот – и закрыл, не найдя подходящих случаю слов. Затем открыл снова.

– Мак Хавчик... ты... ты... истинный чудотворец!

Гном улыбнулся.

– Ты все еще здесь?

Меня уже «здесь» не было. Клянусь, когда я взлетал по лестнице, догнать меня было бы не по силам и пуле. Вода! Горячая! С белой, как свежесвыпавший снег, пеной! Аллилуйя, Мак! Хавчика в президенты! Гномы – я вас люблю!

Я ушел на дно как обожравшийся аллигатор, нырнул с головой и оставался под водой, пока в груди не начали скрести когтями сразу дюжина кошек. Лишь тогда я медленно и с большой неохотой высунул наружу кончик носа и принялся блаженствовать...

...пока не услышал четкий металлический щелчок, ну-у очень похожий на звук взводимого курка...

...кое-как протерев глаза, я увидел этот самый курок – а заодно и все остальное ружье, кончик ствола которого находился не дальше чем в двух дюймах от моего носа. Из черт-знает-какого калибра черной дыры мне зловеще ухмылялась костлявая старуха с косой, а над прикладом ничуть не менее отвратно кривилась морда гоблина.

– Как насчет предсмертного слова, эй-парень!

– Сдохни!

– Сейчас не моя очередь, – гнусно хихикнул нелюдь, – и нажал на спуск.

Глава 5

– Из всех твоих шуток, – медленно произнес я, – эта была самая идиотская.

Толстяк оскалится.

– Я знал, что у тебя хватит глупости взять в ванну револьвер, – сообщил он. – А еще я знал, что ты не выстрелишь.

– А я – не знал!

– Ты побоялся отстрелить себе большой палец на правой ноге, – ехидно сказал гоблин. – А будь я человеческой самкой, то и кончик...

Толстяку пришлось прерваться, потому что я бросил в него револьвер. Не самый разумный поступок, но ничего другого под рукой не имелось.

Как и ожидалось, револьвер гоблин поймал, но слетевшие с «максима» хлопья пены угодили точнехонько на скалящуюся харю, заставив Толстяка подпрыгнуть едва не под самый потолок.

Что ж, хоть в этом байки оказались родственны правде – гоблины действительно терпеть не могут воду. По крайней мере ту, что не разбавлена спиртом.

– Ф-р-р-р! Ы-ы-ы! Вот дерьмо!

– Толстяк, а что ты делаешь во время дождя? – вкрадчиво спросил я. – Закапываешься на десять футов?

– Дождь – это, чтоб ты знал, глупый человечиска, священные слезы Спящего, – надменно произнес Толстяк. – Попасть под них – радость для любого гобла. А вот гадость, которую сородичи Мака добавляют в мыло, чтобы лучше пенилось...

– Разжижает мозг и заставляет его вытекать через уши, – донеслось из-за двери. – Но бояться нечего, у тебя-то сплошная кость, от лба до затылка.

– Мак?

– Я принес тебе одежду, – сообщил гном, входя в комнату и выкладывая на пол кучу, нет, Кучу. Судя по количеству торчащих из неё рукавов и штанин, одежды там было на роту Кейнов. – Не новье, но выглядит еще прилично. Подбери себя пару рубашек по размеру... ну и чего еще захочешь.

– Спасибо, Мак.

– Да не за что. Я все равно собирался пустить это тряпье на протирку.

– И конечно же, – фыркнул гobl, – ты не забудешь вычесть стоимость этого тряпья из нашего счета.

Интересно, а каково на текущий момент состояние «нашего счета», подумал я. Задавать этот вопрос гному как-то не хотелось, потому что в ответ Мак вполне мог заинтересоваться нашей платежеспособностью. Кстати...

Дождавшись, пока сапоги гнома простучат по лестнице, я высунул из воды палец, пома- нил гоблина и когда он – скорчив при этом совершенно зверскую рожу – наклонился к ванне, прошептал: – Где деньги, Толстяк?

Гobl сразу забыл про свое отвращение к пене – клыкастая харя разом превратилась в почти человеческого вида лицо. Удивленное донельзя.

– Какие деньги, эй-парень, ты вообще о чем?

– Денежные деньги, зеленый! Мексиканские доллары!

– Ах, эти деньги....

Наклонись гoblin еще чуть ниже, я бы смог ухватить его за шею и двумя руками, но сейчас в моей досягаемости находился только скальп – пучок волос, тщательно раскрашенный в пять цветов, заботливо перевитый нитью и украшенный всякой дрянью. Именно за скальп я Толстяка и сцапал, «нежно» пригнув его мордой к поверхности воды.

– Да! ЭТИ деньги.

– А-а-а-фы-фы-фы! – Гобл, выкатив глаза, пытался сдуть с носа клок пены. – А-а-а-тпуста!

– Где доллары, Толстяк?!

– Там! – гобл махнул револьвером в сторону сваленной в углу кучи трофеев. – Защиты в патронном поясе.

– Врешь.

– Ну... они были там, – признался гоблин. – Я достал их сегодня, под утро.

– А где они сейчас?

– Пропил.

– Сорок пять долларов? И ты еще можешь стоять?!

Толстяк дернулся, но тут же сообразил, что при попытке изобразить пьяную до погрешности на хвосте змею он вынужден будет рухнуть прямо в пену.

– Я их... у-у-у-инвестировал.

– Чего?!

От неожиданности я даже ослабил захват, чем гобл моментально воспользовался, резко мотнув головой. Прядь выскользнула из моих пальцев, и мы вернулись к прежнему раскладу: голый человек в бадье с водой и вооруженный до клыков гоблин рядом.

– Вложил их в дело, деревенщина!

– Какое, троль меня защекочи, дело?!

– Дельное, – гобл выразительно похлопал себя по пузу над ремнем. – Вот увидишь, эй-парень, в недалеком будущем эта инвестиция озолотит нас с ног до головы.

– В каком еще треклятом бу... – я осекся, сделал глубокий вдох, выдох. Спокойно, Кейн, спокойно... чтоб меня черти взяли. Это всего лишь один-единственный гоблин. Гоблин, мать его... целый гоблин.

– Толстяк, друг мой, – на этот раз в моем голосе явственно зазвучали нотки миссис Пфайфер. – Будь так любезен, ответь на один ма-аленький вопрос...

К своему несчастью, гобл явно не знал старушку и когда я начал понижать тон до едва слышного шепота, он подался вперед, честно пытаясь расслышать мои слова. Я последовал его примеру, так что мы почти столкнулись носами.

– ...скажи, эти твои инвестиции можно, – пауза, глубокий вдох, – ЖРАТЬ?!

– Если тебя так волнует вопрос жратвы, эй-парень, то почему бы тебе не найти РАБОТУ?!

Надо признать, у гоблина получилось лучше – я пытался добиться эффекта одним голосом, тогда как у Толстяка были клыки... и запах из пасти.

– В самом деле, – уже куда более мирным тоном повторил гобл минутой позже, когда я высунулся из-под воды. – Насколько я знаю, вы, люди, всегда ищите работу, когда нуждаетесь в деньгах.

– А гоблины до подобного не опускаются?

– Стараемся, – фыркнул Толстяк. – Зачем работать, когда можно дать дубиной по башке и забрать... ну, в крайнем разе, украсть?

– Вот что... – я попытался вспомнить хоть один из вчерашних маковых эпитетов по адресу гоблина, но Старая речь явно была слишком крупной рыбой для моей дырявой памяти, – зеленый, подойди к окну и выгляни из него.

Удивительно, но гоблин выполнил эту просьбу без получасового пререкания.

– Что ты видишь?

– Улицу, – начал перечислять Толстяк, – лужу, двух лошадей, сломанное колесо, навозные лепешки, мух, миссис Брейвок, груды золотых самородков...

– Что-о-о-о?!

Я был уже в воздухе над бадьей, когда понял, что гобл попросту надул меня. Будь там золото, зеленокожий не стал бы тратить время на сообщение об этом, а рванул бы к нему, прямо через окно или даже сквозь стену.

– Дерьмо!

– Да, эй-парень, ты прав, а я обознался – это просто дерьмо так песком присыпало.

Тоскливо покосившись на бадью – хоть вода уже и начала остывать, но минут пять в ней еще вполне можно было бы поотмокать душой и телом – я подошел к оставленному гномом вороху одежды. Одежда выглядела как домик сумасшедшего кальмара – кручено-перекрученное основание, из которого во все стороны торчали рукава и штанины.

– ... еще там раздавленное перекасти-поле, бутылка из-под виски... разбитая...

– А скажи мне, Толстяк....

Я осторожно потянул за один из торчащих наружу рукавов. Куча угрожающе пошатнулась.

– ...не видишь ли ты толпу с плакатами: «Даю работу!», «Требуются работники!», «5 долларов за неделю, еда и кровать прилагаются!»

Следующий рукав оказался более стоворчивым – я вытащил из кучи рубашку. Пулевых дыр на ней не обнаружилось, ножевых – тоже, ну а пятна на груди цветом наводили скорее на мысль о кукурузном виски, чем о безвременной кончине предыдущего хозяина. За вычетом этих пятен рубашка была отличная, решил я – добротное сукно, не какая-то гниль пополам с бумагой – и начал было примерять её, как меня настигла следующая реплика Толстяка.

– Тебе ведь сегодня уже предлагали работу.

Я замер.

– Следующая реплика твоя! – минутой позже не выдержал гобл. – Ты должен был удивиться и спросить: а откуда ты об этом знаешь?

– Это-то как раз понятно, – медленно произнес я. – Тебе сказал Хавчик.

– Мимо. Я еще не говорил с ним, в смысле, не говорил без тебя.

– Значит, тебе разболтала первая же встречная собака, – я пожал плечами. – В конце концов это маленький городишко, какие здесь могут быть секреты?

– Насчет собаки ты тоже промахнулся, – заметил гобл. – Это была фея.

– С подбитым глазом? – уточнил я, припоминив одно из своих вчерашних «знакомств».

– Не, другая, из дневных.

Первая попытка добыть из кучи штаны окончилась провалом – мне достался лишь кусок ниже колена. Судя по виду – его отгрызли вместе с ногой внутри, причем у отгрызавшего были на редкость тупые зубы.

– А что денег за эту работу предлагали шиш да не шиша, тебе фея не нашептала?

Гоблин хитро прищурился.

– Эй-парень, ну ты ведь не зря потом принялся расспрашивать Хавчика о награде за тех гномов? Девять сотен ведь не валяются на дороге?

– Тысяча сто.

– Ы? – на этот раз удивление гоблина было непритворным.

– Нарви Эйхайм увеличил награду до тысячи ста.

– Кто тебе про это сказал? – недоверчиво спросил Толстяк.

– Он сам.

– Ты говорил с Нарви?

– Я говорил с гномом, похожим на британского аристократа-вампира, причем голодавшего с младенчества. Если знакомый тебе Нарви похож на это существо, то да, я говорил с мистером Эйхаймом.

– Ну, вроде того... – Во взгляде гоблина появилось заметно больше уважения. – Хотя обычно Нарви не удостоивает беседами людскую деревенщину.

– Хочешь сказать, он предпочитает общество гоблинов?

– У Нарви в друзьях много кто ходит, – уклончиво сказал Толстяк. – И среди этих «много кто» хватает существ, которые не понравятся тебе куда больше гоблинов.

– Пока что мне сложно такое представить.

– Я ж говорю, – разом повеселев, откликнулся гобл, – деревенщина как есть.

Отвечать ему я не стал – сейчас меня больше занимали очередные штаны, которые приходилось дюйм за дюймом вырывать у перекрученного клубка. К счастью, плотная синяя саржа даже и не собиралась рваться.

Не дождавшись ответа, гобл подошел ближе и принялся наблюдать за процессом вытаскивания.

– Зря ты за них дергаешь.

– Ты знаешь другой способ?

– Я знаю, что эти штаны надевать не стоит, – пояснил гобл. – Их любят золотоискатели.

– И что с того?

– Хочешь, чтобы все вокруг мечтали проверить карманы твоих штанов на предмет самородка-другого?

– Нет! – рявкнул я. – Но хочу ходить в удобных, прочных штанах.

– Дело твое. При случае можешь спросить у Мака, что с их прежним хозяином случилось. – Толстяк отвернулся и уже через плечо добавил: – Да, майку и кальсоны не забудь подобрать. Твои нынешние воняют, словно ты неделю держал их под седлом.

– Кто бы говорил, зеленая вонючка.

– Мой запах естественен для Запретных Земель, – надменно произнес гоблин. – А тебя даже самый насморочный орк учует за полмили. И вообще вы, людишки, пахнете куда хуже нас.

– Как вы только нас жрете, таких вонючек, – хмыкнул я.

– Долго проварив. И все равно иной раз приходится носы зажимать.

* * *

– Располнеть не боишься? – спросил Мак.

– Не, – прочавкал я. – У мну счо ес фоша.

– Фоша?

– Фора, – пояснил я, дожевывая картофелину. – Три недели назад я весил фунтов на семь больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.